

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Russia — Ministry of Public Instruction

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССVІІІ.

1896.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	35
--	----

Θ. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русокомъ государствѣ (продолженіе)	153
И. Казанскій. Всемирный каталогъ и международный библиографическій союзъ	193
Д. М. Петрушевскій. Восстаніе Уота Тайлера (продолженіе)	214
В. А. Чумиковъ. Современные нѣмецкіе университеты	301
А. М. Ловягинъ. Лейпцигскій диспутъ 1619 года	334

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІА.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Акты литовской метрики. Томъ второй. Выпускъ первый. 1413—1498 гг. Собраны Θ. И. Леонтовичемъ. Варшава. 1896	341
И. М. Майковъ. Государство и землевладѣніе. Часть I. Тернера. С.-Пб. 1896	352
Н. И. Вакстъ. В. Прейсръ. Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ съ указаніями для родителей о его наблюденіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. Каптерева. С.-Пб. 1894	358
Н. Н. Ардашевъ. И. И. Рычковъ. Исторія Оренбургская (1730—1750). Изданіе Оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей И. М. Гутъара. Оренбургъ. 1896.	364
В. Р—въ. Астраханскій сборникъ издаваемый Петровскимъ обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Выпускъ I. Астрахань. 1896	370
— Книжныя новости.	373
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ).	71

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Десятый археологическій съѣздъ въ Ригѣ	39
— Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы Кіевского учебнаго округа въ 1895 году.	77
В. О. Новодворскій. А. И. Павиновскій (некрологъ)	125

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. К. Ериштедтъ. Записки къ Анакреонтеа	97
Θ. Г. Миценко. Извѣстія Геродота о вѣн-окнескихъ земляхъ Россіи.	103
С. А. Жебелевъ. Христономы.	125
С. А. Жебелевъ. Критическая замѣтка къ Полибію XXI 31 и Ливію XXXVIII 10	127
Θ. Р. фонъ-Штернъ. О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи	129

ОБЪЯВЛЕНІА.

Редакторъ В. Васильевскій.
(Вышла 1-го декабря).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДЕСЯТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

Съ 1-го по 15-е августа нынѣшняго года въ РигѢ въ роскошномъ зданіи Малай Гильдин (St. Johannis Gilde) происходили засѣданія десятаго археологическаго съѣзда. Со временемъ, когда выйдутъ въ свѣтъ „Труды“ этого съѣзда, можно будетъ подробно говорить и оцѣнивать результаты его работы и окончательно опредѣлить его значеніе для русской исторической науки. Намѣренно говоримъ „исторической науки“, а не „археологін“ въ виду того, что программа Рижскаго археологическаго съѣзда заключала въ себѣ, подобно программамъ предыдущихъ съѣздовъ, многое, выходящее за предѣлы собственно археологін и близко соприкасающееся съ другими отдѣлами исторіи, какъ то: археографію, историческую географію, древнее право и т. п. Теперь на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя печатались во время самаго съѣзда, можно лишь вкратцѣ очертить его дѣятельность и подвести приблизительный итогъ его занятіямъ.

Прежде однако, чѣмъ перейти къ собственно научной дѣятельности съѣзда, къ прочитаннымъ сообщеніямъ, не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ вспомогательныхъ средствахъ, какія находились въ распоряженіи съѣзда и такъ или иначе способствовали болѣе успѣшному разрѣшенію намѣченныхъ имъ задачъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить двѣ выставки, устроенныя въ РигѢ во время съѣзда: археологическую и латышскую этнографическую; затѣмъ—поѣздки, совершенныя членами съѣзда съ цѣлью обозрѣнія мѣстныхъ древностей и производства раскопокъ, въ Митаву и Трей-

день; наконецъ, осмотръ городскихъ достопримѣчательностей: нѣкоторыхъ старинныхъ зданій, генералъ-губернаторскаго и шведскаго архивовъ и церковнаго музея при Духовномъ училищѣ.

Археологическая выставка, помѣщавшаяся въ зданіи Большой Гильдіи (St. Maria-Gilde), была устроена, главнымъ образомъ, стараніемъ Общества Исторіи и Древностей въ Прибалтійскихъ провинціяхъ Россіи при помощи другихъ ученыхъ обществъ въ Митавѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ, Аренсбургѣ и Феллинѣ, кромѣ того въ выставкѣ принимали участіе Императорская Археологическая Коммиссія, Главный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, Императорское Московское Археологическое общество, Псковское Археологическое Общество, Виленскій Музей Древностей, Музей Восточнопрусскихъ провинцій въ Данцигѣ и Компанія Черноголовыхъ въ Ригѣ и Ревелѣ. Всѣ выставленные вещи были раздѣлены на пять отдѣловъ: 1) археологія, 2) памятники письменности. 3) печати, 4) монеты и медали. 5) золотыя издѣлія. Первый изъ этихъ отдѣловъ, наиболѣе богатый, составлялъ главное содержаніе выставки. Позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторые извлеченія изъ введенія къ этому отдѣлу, составленнаго проф. Гаусманомъ.

Наиболѣе древнія археологическія находки относятся къ неомолетической эпохѣ; матеріаломъ служили, главнымъ образомъ, камни ледниковыхъ отложений: порфиръ, ишперръ, кварцитъ, рѣже гранитъ и сіенитъ; кремневые вещи встрѣчаются въ ограниченномъ количествѣ. На сѣверѣ вещи—болѣе искусной обработки; южныя—грубѣе и проще. Наиболѣе обильные остатки человѣческаго пребыванія находимы у Ринненкальнса при истокахъ рѣки Залисъ изъ Буртненскаго озера, а также на сѣверѣ Эстляндіи. Все свидѣтельствуетъ о населеніи, главнымъ занятіемъ котораго была охота и рыбная ловля. Въ обиліи находятся груды раковинъ, кости дикаго оленя, свиньи и въ особенности бобра, гарпуны, кинжалы, наконечники копій и т. п. Слѣдовъ погребенія, кургановъ, относящихся къ этой каменной эпохѣ мало. „При томъ, добавляетъ проф. Гаусманъ, при изслѣдованіи могильниковъ каменной эпохи надо быть тѣмъ болѣе осторожнымъ, что вещи этой эпохи употреблялись въ Прибалтійскомъ краѣ и въ желѣзную эпоху, а потому могутъ встрѣтиться и въ болѣе позднихъ могильникахъ, и какъ долго продолжался здѣсь каменный вѣкъ и къ какой національности принадлежало населеніе этого времени, неизвѣстно. Вещей собственно бронзовой эпохи очень мало. Большинство ихъ найдено на берегахъ Двины и позволяетъ думать, что

они были привезены въ край съ запада изъ Скандинавіи и другихъ странъ, гдѣ процвѣтала обработка бронзы. Слѣдовъ до-христианской желѣзной эпохи (la Tène), столь значительныхъ въ Средней и Западной Европѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ вовсе. Желѣзный вѣкъ нашей эры (составляющій главное содержаніе могильныхъ находокъ), какъ по способу погребенія, такъ и по формѣ вещей можетъ быть раздѣленъ на два періода: съ перваго до восьмага вѣка по Р. Х. и съ восьмага до тринадцатаго—до времени нѣмецкой колонизаціи края.

„Въ общемъ, многочисленные слѣды погребенія указываютъ на довольно густое населеніе, жившее мелкими союзами, мало пользовавшееся оружіемъ и занимавшееся земледѣліемъ и скотоводствомъ; послѣднее доставляло ему шкуры и мѣха. Домашняя утварь—изъ желѣза; украшенія изъ бронзы. доставляемой очевидно со стороны и вымѣниваемой на мѣха. Въ способахъ погребенія замѣтны различія, объяснить которыхъ мы еще не можемъ. Есть ли это слѣдствіе національнаго различія, это еще не рѣшено. Какой народъ въ эту пору составлялъ главную массу здѣшняго населенія и съ какими другими онъ имѣлъ сношенія, все это вопросы, ожидающіе еще окончательнаго отвѣта“.

Въ продолженіе втораго періода, главнымъ образомъ, къ концу его, начинаютъ опредѣляться этническія границы. Нынѣшняя Курляндія (область южнѣ Двины) въ XIII вѣкѣ на востокъ была чисто-летскимъ краемъ; на западѣ леты жили въ перемѣшку съ болѣе поздними пришельцами—ливами. Погребеній въ большихъ отдѣльныхъ курганахъ въ этой области было мало; преобладало кладбище. Въ болѣе раннюю эпоху господствующее мѣсто занимало, какъ кажется, погребеніе въ землѣ; позднѣе, особенно на Западѣ, трупосоженіе. Головныхъ украшеній мало; на груди у покойниковъ находимы цѣпи не особенно большой длины. Старая форма лукообразной фибулы исчезаетъ и замѣняется новой самострѣлообразной. Много шейныхъ и ручныхъ колецъ, и очень рѣдки ручныя спирали; очень много также кожаныхъ поясовъ. Янтарь встрѣчается въ очень ограниченномъ количествѣ, за то нигдѣ въ Прибалтійскомъ краѣ не находится столько роговъ для питья и вѣсовыхъ гирь. Особо много желѣзнаго оружія, нерѣдко съ серебряными украшениями; земледѣльческія орудія встрѣчаются какъ въ могилахъ съ погребеніемъ, такъ и съ трупосоженіемъ.

Переходимъ теперь къ лифляндскимъ могильникамъ. На юго-за-

надѣ Лифляндіи по берегамъ Двины и Аа ливляндской въ началѣ XIII вѣка жили по преимуществу ливы, воинственный, богатый народъ. Способы ихъ погребенія въ областяхъ двухъ названныхъ рѣкъ сходны, но не тождественны. По Двинѣ обширныя кладбища съ каменнымъ основаніемъ въ могилахъ; по Аа—одиночныя курганы. Погребеніе нерѣдко сопровождалось трезною; у ливовъ рѣки Аа, кромѣ того—приношеніемъ въ жертву тѣхъ или другихъ животныхъ, особенно часто собаки. Также, какъ и въ Курляндіи, рѣдки головныя украшенія; грудь, напротивъ, украшалась національнымъ ливскимъ украшеніемъ—длинною свободно висящею цѣпью, которая прикрѣплялась на плечѣ фибулою. Шея, особенно у женщинъ, была богато украшена различными бездѣлушками: серебрянными монетами, амулетами, жемчугомъ. Кожаныхъ поясовъ нѣтъ вовсе, и очень мало роговъ для питья. Военное оружіе очень хорошаго качества; этого нельзя сказать про домашнюю утварь и земледѣльческія орудія. Монеты на шейныхъ украшеніяхъ позволяютъ опредѣлить время этихъ могилъ точнѣе другихъ: всѣ монеты относятся къ X и XI столѣтіямъ. Различіе въ способѣ погребеній и въ характерѣ одежды изукрашенной у ливовъ рѣки Двины и рѣки Аа проф. Гаусманъ объясняетъ тѣмъ, что первые соприкасались съ литами, чѣмъ и объясняется сходство въ ихъ костюмѣ съ литскимъ, тогда какъ вторые сохранили въ болѣе чистомъ видѣ ливскія національныя отличія.

Летскія поселенія въ Лифляндіи граничили на сѣверѣ съ эстляндскими областями Саккала и Угонія и простирались далеко на востокъ (до Люцена и Рѣжицы Витебской губерніи). Количество находокъ въ летскихъ могилахъ Лифляндіи очень значительно. Летскія могилы расположены обыкновенно на плоскихъ возвышенностяхъ, курганной насыпи иногда нѣтъ вовсе; трупы въ нихъ опущены обыкновенно очень близко одинъ къ другому на небольшую глубину въ почву. Трупосожженіе и каменная подстилка въ могилахъ встрѣчаются лишь какъ исключеніе. Положеніе костяка имѣетъ, по большей части, опредѣленное положеніе (мужскіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ, женскіе наоборотъ). Характернымъ признакомъ летскихъ могилъ являются обильныя остатки одеждъ и украшеній, состоящихъ изъ головныхъ повязокъ, нагрудныхъ цѣпей, спиралей, колецъ и проч. Янтарь былъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ, серебро лишь въ очень незначительной степени. Желѣза мало, и вообще оружіе далеко уступаетъ ливскому. Монеты также меньше, чѣмъ въ ливскихъ могилахъ; найденныя относятся къ IX—XI столѣтіямъ. Въ общемъ эти могилы очень схожи

съ летскими могилами Курляндіи; находки въ тѣхъ и другихъ, къ тому же, по нѣкоторымъ признакамъ (форма фибулъ) обнаруживаютъ близость и сходство съ находками перваго періода.

На сѣверъ отъ летовъ и ливовъ жили эсты, народъ финскаго племени, проникшій въ край, по всей вѣроятности, въ шестомъ или седьмомъ столѣтіи черезъ устье рѣки Наровы. Она занимала приблизительно тѣ же мѣста, на какихъ живутъ и теперь. Эсты хоронили своихъ покойниковъ въ курганахъ, въ которыхъ нерѣдко обнаруживаются слѣды трупосожженія; встрѣчаются въ нихъ также сооруженія изъ камня, напоминающія по своей формѣ (параллельные ряды каменьевъ) болѣе древнія могилы. Исключительно эстскимъ украшеніемъ можно считать парныя булавки съ головками въ видѣ креста, соединенныя одна съ другою цѣпочками. Характеренъ также орнаментъ, состоящій изъ прямыхъ и кривыхъ переплетающихся полосокъ. Остатковъ платья и одежды въ эстскихъ могилахъ мало. Железо, напротивъ встрѣчается въ изобиліи и обнаруживаетъ въ эстахъ прекрасныхъ кузнецовъ. Область населеній эстовъ, какъ видно изъ могильныхъ находокъ простиралась и на острова: Эзель, Монъ и Даго. Главное различіе островныхъ могилъ эстовъ отъ материковыхъ сводится къ тому, что въ первыхъ преобладало почти исключительно трупосожженіе, тогда какъ во вторыхъ оно, хотя и встрѣчается, какъ было сейчасъ сказано часто, все-таки уступаетъ главное мѣсто погребенію.

Къ болѣе позднему времени (послѣ 13 столѣтія) относятся сравнительно немногія вещи найденныя, главнымъ образомъ, близъ Риннепалька и Кальтри. Такова въ общихъ чертахъ картина матеріальной культуры въ Прибалтійскомъ краѣ въ до-историческія времена. Масса вещей, находившихся въ первомъ отдѣлѣ выставки наглядно иллюстрировала эту картину. Вещи Императорской Археологической комиссіи, Императорскаго Московскаго Общества, Псковскаго Археологическаго Общества и Музеевъ, Виленскаго и восточно-прусскихъ провинцій въ Данцигѣ, выставленныя въ этомъ же отдѣлѣ, также относились къ мѣстнымъ древностямъ. Данцигскимъ музеемъ были присланы карта городищъ въ восточной и западной Пруссіи, 19 гипсовыхъ моделей древностей временъ Римской имперіи и моделей образцовъ каменныхъ, костяныхъ и бронзовыхъ орудій, находимыхъ въ Пруссіи. Къ этому же отдѣлу можетъ быть отнесена карта балтійскихъ городищъ, составленная Левисъ-офъ-Менаромъ и Билленштейномъ.

Главное содержаніе втораго отдѣла выставки (памятники письменности) составляли документы изъ ревельскаго и рижскаго городскихъ архивовъ (въ послѣднемъ немало очень важныхъ документовъ на русскомъ языкѣ), архивовъ лифляндскаго и эстляндскаго дворянства и Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Были выставлены документы какъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, такъ и на русскомъ. Первые изъ нихъ относятся ко времени отъ XI до конца XVI вѣка; наиболѣе древній—грамота датскаго короля Ерика на основаніе монастыря св. Михаила. Всѣ эти документы—различныя королевскія, папскія и архіепископскія буллы, грамоты и извѣщенія. Русскіе документы аналогичны по содержанію, относятся къ XIII, XIV и XV вѣкамъ. Многіе изъ этихъ документовъ представляютъ, по мнѣнію специалистовъ, не малый интересъ, главнымъ образомъ, въ палеографическомъ отношеніи, какъ напримѣръ, псковская грамота XIV вѣка посадника Сидора и всѣхъ Псковичей, посланная въ Ригу и жалующаяся на неуплату однимъ рижаниномъ псковичу Кушордѣ денегъ. Къ этому-же отдѣлу можетъ быть отнесена выставленная насторомъ Гуртомъ коллекція эстонскихъ пѣсень въ 186 томахъ.

Отдѣлъ печатей на выставкѣ былъ разбитъ на два подотдѣла: собраніе печатей и гальванопластическихъ отпечатокъ мѣстныхъ городовъ и владѣтельныхъ и должностныхъ лицъ и собраніе старинныхъ лифляндскихъ штамповъ для печатей со включеніемъ сюда же иностранныхъ штамповъ, найденныхъ въ остзейскихъ провинціяхъ. Значительную часть этого отдѣла составляли вещи изъ собранія доктора Саклендаля. Довольно богатъ былъ также нумизматическій отдѣлъ; здѣсь также наряду съ экземплярами монетъ и медалей были выставлены образцы старинныхъ монетныхъ штамповъ. Главное содержаніе послѣдняго отдѣла составляли вещи, принадлежащія Большой рижской и Канутовской ревельской гильдіи и обществу рижскихъ и ревельскихъ Черноголовыхъ (Schwarzen Häupter), полумонашеской полоторговой компаніи, ведущей свое начало еще отъ среднихъ вѣковъ и обратившейся въ настоящее время во что-то вродѣ общества взаимопомощи очень ограниченаго количества лицъ.

На латышской этнографической выставкѣ каждая сторона народной жизни была представлена въ ея историческомъ развитіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Наряду съ образцомъ современнаго латышскаго дома были выставлены образцы старинныхъ крестьянскихъ построекъ въ Курляндіи и Лифляндіи; въ отдѣлахъ земледѣлія, рыболовства и мореплаванія посѣтителі могли наглядно прослѣ-

дить постепенное видоизмѣненіе въ соотвѣтствующихъ видахъ орудія и выяснить разницу между современными и прежними способами производства. Мы не говоримъ уже о тѣхъ отдѣлахъ выставки, которые прямо относились къ прошлому: отдѣлъ исторіи, заключавшій въ себѣ не мало старинныхъ картъ и нѣсколько письменныхъ документовъ и отдѣлъ старинныхъ произведеній народнаго духа: собранія образцовъ поэзіи, мѣлологіи и т. п. Латышская этнографическая выставка заключала въ себѣ кромѣ того предметы эстонскіе (конечно въ меньшемъ количествѣ) и такимъ образомъ давала достаточное понятіе о прошломъ и настоящемъ двухъ коренныхъ народностей Остзейскаго края. Выставка эта была устроена стараніемъ Рижскаго латышскаго общества; для ея составленія потребовалась въ теченіе 1894—1895 гг. предпринять до 20 экспедицій, которыя надо замѣтить были встрѣчены очень сочувственно самимъ латышскимъ и эстонскимъ населеніемъ.

Наряду съ этими двумя выставками слѣдуетъ упомянуть еще одну—выставку древнихъ вещей, принадлежащихъ различнымъ рижскимъ цехамъ: различныхъ образцовыхъ издѣлій, цеховыхъ документовъ, книгъ и проч. Украшеніемъ этой выставки являлся большой стеклянный бокалъ (такъ называемый скипетръ стекляннаго цеха) 1553 г. съ изображеніемъ св. Луки.

Любителямъ старинной архитектуры должно было, конечно, доставить не малый интересъ осмотръ оригинальныхъ старинныхъ городскихъ зданій. Уже самыя зданія обѣихъ Гильдій, гдѣ происходили засѣданія съѣзда и помѣщалась археологическая выставка, представляютъ прекрасные образцы стилия англо-саксонской готики. Интересенъ также домъ Черноголовыхъ въ причудливомъ стилѣ голландскаго возрожденія ¹⁾; полны поэзіи старинные готическіе соборы Домскій, св. Петра и св. Ікова съ ихъ стрѣльчатыми окнами и разрисованными стеклами. Какъ образецъ передѣлки готической архитектуры сообразно требованіямъ православной церкви, любопытна церковь св. Алексѣя, передѣланная при Петрѣ Великомъ изъ лютеранской.

Членами археологическаго съѣзда былъ предпринятъ также осмотръ мѣстнаго замка. Старинное зданіе его много разъ было разрушаемо и перестраиваемо; послѣдняя перестройка относится къ 40-мъ годамъ нашего столѣтія. Въ настоящее время здѣсь помѣщаются городскія

¹⁾ Патронъ этой общины — св. Маврікій (Мавръ), мученикъ, умершій въ 287 г.; отсюда ихъ названіе. Черная голова Мавра изображена почти на всѣхъ вещахъ, принадлежащихъ этой общинѣ.

присутственныя мѣста; изъ достопримѣчательностей замка можно указать на остатки католической капеллы св. Андрея (памятникъ архитектуры XV вѣка), статую Плеттенберга, гербъ фамиліи Репнина. Болѣе интереса представляетъ, однако, замокъ потому, что здѣсь хранятся два наиболѣе выдающіеся въ Остзейскомъ краѣ архива: шведскій и генераль-губернаторскій, заключающіе въ себѣ немало документовъ, касающихся исторіи края какъ во время шведскаго владѣчества, такъ и послѣ присоединенія къ Россіи, собственноручныя рукописи Петра Великаго, сношенія съ центральными правительствами и т. п. Дѣла шведскаго архива въ 1709 году были перевезены въ Швецію и только въ началѣ нынѣшняго вѣка возвращены назадъ благодаря стараніямъ генераль-суперъинтендента Зонтага. Дѣлами генераль-губернаторскаго архива пользовался покойный Чешихинъ. На настоящее помѣщеніе этихъ архивовъ, ни заведываніе ими не удовлетворяетъ вполне современнымъ требованіямъ науки.

При перечнѣ городскихъ достопримѣчательностей необходимо упомянуть объ церковномъ музеѣ при духовномъ училищѣ. Музей этотъ — очень молодое учрежденіе: онъ насчитываетъ лишь нѣсколько лѣтъ своего существованія. И тѣмъ не менѣе какъ по количеству вещей, такъ и по ихъ научной цѣнности онъ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны лицъ, занимающихся церковной археологіей. Всѣ вещи въ немъ раздѣлены на три отдѣла: 1) древности церковныя православныя, 2) иновѣрческія и 3) свѣтскія. Въ первомъ насчитывается до 86 старинныхъ иконъ, 11 крестовъ, 28 сосудовъ, 30 экземпляровъ церковныхъ одеждъ и утвари, 130 книгъ и 18 рукописей; во второмъ — 37 иконъ и другихъ предметовъ, 77 книгъ и 10 рукописей; наконецъ въ третьемъ до 237 монетъ и украшеній и 2 рукописи. Немало здѣсь вещей, принадлежавшихъ униатскимъ церквамъ. Изъ иконъ знатоками была отмѣчена рѣдкая, по способу трактованія сюжета, икона Благовѣщенія: на верху иконы Господь Саваофъ и Св. Духъ, отъ котораго лучи исходятъ *не на Богородицу, а на Ангела*; рядомъ съ этимъ послѣднимъ изображенъ другой Ангелъ, ведущій за руку святыхъ Евимію и Евимію. Изъ рукописей — учительная азбука конца XVII вѣка съ раскрашенными заставками и нравоученіями; изъ одеждъ эпитрахиль съ ликами святыхъ. Благодаря любезности заведующаго музеемъ о. Плисса и хранителя его г. Синайскаго любителя церковной старины, каковыхъ оказалось не мало среди нашихъ провинціальныхъ археологовъ, могли подробно ознакомиться съ сокровищами музея.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о двухъ совершенныхъ членами съезда экскурсіяхъ: въ Митаву и Трейдень. Что касается поѣздки въ Кенигсбергъ, то она не войдетъ въ нашъ очеркъ. Какъ потому, что она была совершена *послѣ* закрытія съезда, такъ и потому, что въ ней принимали участіе черезъ чуръ немногіе члены съезда, эта поѣздка можетъ считаться скорѣе частнымъ дѣломъ отдѣльных лицъ, а не общимъ—всего археологическаго съезда.

Поѣздка въ Митаву, городъ сравнительно новый, не могла, конечно, имѣть большаго значенія для прямыхъ задачъ археологическаго съезда. Тѣмъ не менѣе осмотръ этого города, сохранившаго типичныя черты герцогской резиденціи, представлялъ не мало интереса. На мѣстѣ дворца курляндскихъ герцоговъ, гдѣ императрицу Анною были подписаны извѣстныя кондиціи 1780 г., находится теперь гимназія, бывшая *Academia Petrina*, основанная герцогомъ Петромъ Бирономъ. Заведеніе это, позднѣе называвшееся *Gymnasium Illustre*, долгое время была чѣмъ то среднимъ между средней и высшей школой. Жители надѣялись даже, что оно будетъ преобразовано въ университетъ; это счастье выпало, однако, на долю Дерпта (нынѣшняго Юрьева). Митавская гимназія славилась своею библиотекою, въ которой находится до 50.000 томовъ. Кромѣ гимназіи осмотрѣны были, между прочимъ, мѣстный музей и герцогскій замокъ съ заключающимся въ немъ архивомъ губернскаго статистическаго комитета. Находящійся здѣсь герцогскій архивъ привлекъ къ себѣ, какъ увидимъ ниже, наравнѣ съ архивами рижскими вниманіе археологическаго съезда.

Переходимъ теперь къ поѣздкѣ въ Трейдень, главная цѣль которой было производство археологическихъ раскопокъ, и которая, такимъ образомъ, могла быть полезна для съезда при занятіяхъ имъ до-историческою археологіей.

Невдалекѣ отъ живописной Ливонской Швейцаріи, близъ усадьбы Путель, примыкающей къ замку Трейдень по дорогѣ къ корчмѣ „Граши“, въ полѣ замѣтно до 40 кургановъ, расположенныхъ въ безпорядкѣ одинъ возлѣ другаго и въ значительной степени поросшихъ кустарникомъ. Курганы эти давно уже привлекали къ себѣ вниманіе археологовъ. Здѣсь производили раскопки въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія академикъ Пандеръ, въ 1873 г.—графъ Сиверсъ. Вещи, найденныя послѣднимъ можно было видѣть на выставкѣ. Не избѣгли курганы и разграбленія. Ко времени съезда изъ нихъ лишь двѣнадцать были нетронуты; всѣ остальные носили на себѣ слѣды раскопокъ, частью незначительныхъ, частью очень глубокихъ. Предвари-

тельные изслѣдованія одного изъ поврежденныхъ кургановъ несомнѣнно показали, что раскопки эти въ большинствѣ случаевъ дѣло не археологовъ, но несвѣдующихъ любопытныхъ.

Во время съѣзда было раскопано десять кургановъ, изъ нихъ—четыре въ присутствіи членовъ съѣзда.

Раскопки велись какъ мѣстными учеными, такъ и пріѣзжими. Помимо найденныхъ вещей, раскопки представляли интересъ, особенно для начинающихъ ученыхъ, еще и потому, что здѣсь они могли наблюдать самый процессъ раскапыванія кургановъ и услышать не мало цѣнныхъ замѣчаній практическаго характера отъ такихъ опытныхъ специалистовъ въ этомъ дѣлѣ, какими являются проф. Антоновичъ, Гаусманъ и другіе.

Въ 6 курганахъ были обнаружены слѣды погребенія, въ одномъ—трупосожженія, три оказались пустыми. По монетамъ, найденнымъ въ курганахъ (двѣ англосаксонскія и двѣ арабскихъ диргеми), могилы эти можно отнести къ X или XI вѣкамъ нашей эры. Костяки расположены на сѣверъ; въ ногахъ попадаетъ голова собаки. Въ одномъ курганѣ найдена рукоятка меча со звѣринымъ орнаментомъ (по мнѣнію, высказанному проф. Гремплеромъ, норманскаго происхожденія). Особенно обиленъ находками оказался одинъ курганъ; въ немъ, кромѣ костяка найдены были: бронзовая чаша въ видѣ таза въ ногахъ, бронзовые ножны, много бусъ: бронзовыхъ, золоченыхъ и янтарныхъ, просверленный медвѣжьей зубъ, черпахообразная овальная фибула и арабская диргема. Обиліе найденныхъ здѣсь бронзовыхъ вещей представляетъ особый интересъ въ виду того, что предметовъ изъ этого металла въ Остзейскомъ краю найдено до сихъ поръ, какъ мы уже сказали, выше крайне мало. Въ двухъ курганахъ по снятіи верхняго слоя земли были обнаружены груды булыжника, какъ бы вторые каменные курганы; по удаленіи булыжника въ одномъ изъ нихъ глазамъ изслѣдователей предстало сооруженіе изъ большихъ каменныхъ плитъ, почти не обдѣланныхъ и помѣщенныхъ частью стоя, частью плашмя, вѣчто въ родѣ саркофага. Саркофагъ этотъ оказался, однако пустымъ, и никакихъ слѣдовъ погребенія въ немъ обнаружено не было. Проф. Антоновичемъ было высказано при этомъ предположеніе, что здѣсь обнаружены слѣды симуляціи погребенія, то-есть, фиктивныхъ похоронъ, имѣвшихъ мѣсто при безслѣдномъ исчезновеніи чловѣка во время схватки съ врагами, охоты и т. п. По мнѣнію большинства всѣ раскопанные курганы должны быть отнесены къ числу ливскихъ могилъ.

Обращаемся теперь къ дѣятельности самого съѣзда—его засѣданіямъ и читаннымъ на нихъ рефератамъ. X-й археологическій съѣздъ подраздѣлялся на одиннадцать секцій: I, древности первобытныя, II, древности историко-географическія и этнографическія, III, памятники искусства и художества, IV, бытъ домашній, юридическій, общественный и военный, V, древности церковныя, VI, памятники языка и письма, VII, древности классическія, византійскія и западно-европейскія, VIII, древности прибалтійскія, IX, древности восточныя, X, нумизматика и сфрагистика и XI, памятники археографическія. Всѣхъ засѣданій съѣзда было 33; число прочитанныхъ рефератовъ доходитъ до 98. Излагая результаты работъ съѣзда мы позволимъ себѣ, однако, нѣсколько иную группировку матеріала, чѣмъ только что приведенное дѣленіе, чтобы не слишкомъ дробить матеріалъ.

Одною изъ задачъ Рижскаго археологическаго съѣзда, какъ и всѣхъ предыдущихъ съѣздовъ, являлось ознакомленіе съ мѣстными древностями и положеніемъ исторической науки въ данномъ краѣ. Труды VIII секціи явились отвѣтомъ на эту задачу, и, надо замѣтить, отвѣтомъ въ высшей степени обстоятельнымъ; сюда надо, однако же, отнести еще нѣкоторые рефераты, прочтенные въ засѣданіяхъ другихъ секцій. Близко соприкасаются съ этими рефератами другіе, имѣющие своимъ содержаніемъ различнаго рода сношенія русскихъ съ нѣмцами и вліяніе одного изъ этихъ народовъ на другой. На ряду съ этими двумя группами рефератовъ выдѣлялись рефераты касающіеся русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Институтъ этотъ возникъ, какъ извѣстно, недавно, въ промежутокъ времени между IX и X археологическими съѣздами; онъ является однимъ изъ крупныхъ шаговъ русской исторической науки за послѣднее время и рефераты, относящіеся къ его дѣятельности, являлись какъ бы его первымъ публичнымъ отчетомъ предъ лицомъ представителей русской науки. Область до-исторической археологіи составить четвертую группу, рефераты касающіеся этнографіи (въ широкомъ смыслѣ словъ) двухъ главныхъ, послѣ славянъ, народностей Россіи—литовской и финской—пятую. Далѣе важное мѣсто среди работъ Рижскаго археологическаго съѣзда занимаютъ сообщенія, относящіеся къ исторіи искусствъ: были затронуты какъ образовательныя, такъ и тоническія искусства. Классической археологіи было удѣлено чрезвычайно мало вниманія: къ этой группѣ можетъ быть отнесено всего лишь два реферата. Въ такомъ порядкѣ мы и рассмотримъ сообщенія, сдѣланныя на съѣздѣ, а въ заключеніе

упомянемъ о тѣхъ докладахъ, которые не могутъ быть подведены ни подъ одну изъ означенныхъ нами группъ, отличающъ въ значительной степени случайнымъ характеромъ, но которые, тѣмъ не менѣе, представляютъ не малый интересъ.

Докладъ бар. Бруйнгинка „Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ“ являлся какъ бы введеніемъ при ознакомленіи съѣзда съ мѣстными древностями и положеніемъ исторической науки въ краѣ. Отличительною чертою мѣстныхъ историческихъ обществъ является ихъ децентрализація: не говоря уже о такихъ крупныхъ сравнительно городахъ, какъ Рига, Митава и Юрьевъ, общества, посвятившія свои силы изученію мѣстныхъ древностей, существуютъ во многихъ мелкихъ городахъ Остзейскаго края. Децентрализація ихъ даетъ каждому изъ нихъ возможность точнѣе опредѣлить свои задачи, сосредоточиться на болѣе узкомъ кругѣ занятій, и достигнуть, болѣе плодотворныхъ результатовъ. Результаты эти, конечно, тѣмъ самымъ не будутъ отличаться широтою; но врядъ ли въ настоящее время провинціальное научное общество (мы не говоримъ о такихъ крупныхъ центрахъ, какими является большинство университетскихъ городовъ) можетъ ставить себѣ очень широкія задачи; на это не достанетъ ни силъ, ни средствъ. Съ другой стороны, существованіе общества, хотя бы съ самыми узкими цѣлями, является всегда хорошою поддержкою для мѣстныхъ работниковъ и избавляетъ ихъ отъ печальной участи — работать порознь.

Древнѣйшія общества Прибалтійскаго края, ставящія себѣ, между прочимъ, задачею и изученія прошлаго, относятся къ самымъ первымъ годамъ нынѣшняго вѣка; таковыми являются „Лифляндское Общепольное и Экономическое Общество“ и *Litterärisch-praktische Bürgerverbindung* (1803). Аналогичнымъ характеромъ отличалось и „Курляндское Общество Искусства и Литературы“ (основ. въ 1816 г.) съ тою только разницею, что его труды въ началѣ существованія болѣе были посвящены общенаучнымъ вопросамъ. Этому обществу обязанъ своимъ возникновеніемъ Курляндскій провинціальныи музей. Въ 30-хъ годахъ возникло въ Ригѣ „Общество исторіи и древностей прибалтійскихъ губерній“; изданіе документовъ и источниковъ занимаетъ въ дѣятельности этого общества видное мѣсто наряду съ изслѣдованіями. Изъ изданій этого общества отмѣтимъ: Нейманъ, *Das mittelalterliche Riga* и фонъ-Левисъ-офъ-Менаръ, *Die Städtische Profanarchitektur der Gothik, der Renaissance und des Baroco in Riga, Re-*

val und Narva; изданію документовъ посвящено Liv-Est-und Kurlands Urkundenbuch (10 томовъ). Это же общество завѣдуетъ реставраціей Рижскаго лютеранскаго собора (Domkirche), для чего въ 1884 г. было учреждено особое отдѣленіе, и ему же принадлежитъ инициатива по устройству въ Ригѣ музея (Dommuseum), помѣщающагося при томъ же соборѣ. Приблизительно одновременно съ Обществомъ Исторіи и Древностей возникло еще три общества, ставившихъ себѣ наряду съ историческими задачами и этнографическія и сосредоточившихся на изученіи отдѣльныхъ племенъ; мы разумѣемъ Латышское литературное общество (1824 г.), Эстонское Ученое общество въ Юрьевѣ (1838 г.) и Эстляндское литературное общество (1841 г.).

Съ 60-хъ годовъ начинаютъ возникать общества по уѣзднымъ городамъ: въ 1863 г. въ Нарвѣ (просуществовало недолго) и Аренсбургѣ (для изслѣдованія Эзеля), въ 1881 г.—въ Феллиніѣ. Въ самое послѣднее время утвержденъ уставъ Перновскаго историческаго общества.

Дополненіемъ къ сообщенію бар. Бруйнинга являлся „Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее 50-лѣтіе“, сдѣланный проф. Гаусманомъ. Не считая одиночныхъ работъ, какими являются работы Франца Ниенштедта въ концѣ XVI вѣка и Гупеля, гр. Меллина и Кербера въ XVIII вѣкѣ, въ исторіи научной обработки Балтійской археологіи можно различить три періода: 1) Крузе и Вэра, 2) Гревингга и Сиверса и 3) современный. Первый періодъ не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ, тѣмъ болѣе, что большая часть трудовъ двухъ названныхъ изслѣдователей осталась ненапечатанною и находится въ настоящее время въ Берлинѣ и Лондонѣ. Профессоръ минералогіи Конст. Гревинггъ, издавшій въ 1859 г. геологію Лифляндіи и Курляндіи, а въ 1861 г. сочиненіе о каменномъ вѣкѣ, занимаетъ видное мѣсто въ дѣлѣ изученія мѣстныхъ древностей; его труды особенно цѣнны для перваго періода—до IX вѣка. Георгій Лешке начинаетъ современный періодъ: отъ простаго собранія матеріала онъ уже началъ переходить къ точному обозначенію типовъ могилъ, то-есть къ тому, къ чему археологія стремится теперь.

По поводу реферата проф. Гаусмана „предсѣдатель съѣзда гр. Уварова предложила сдѣлать постановленіе о необходимости и важности напечатанія ненапечатанныхъ еще сочиненій покойнаго К. Гревингга, что и было единодушно принято“ („Извѣстія“ съѣзда, стр. 22); въ списокъ постановленій совѣта съѣзда такового постановленія мы, однако, не находимъ (ibid., стр. 110).

А. А. Спицынымъ былъ сдѣланъ „Общій обзоръ до-историческихъ древностей Прибалтійскаго края Россіи“, и содержащій въ себѣ резюме его работъ въ этой области за послѣдніе годы. Въ обзорѣ этомъ авторъ приходитъ по многимъ вопросамъ археологіи Прибалтійскаго края къ выводамъ, въ различныхъ точкахъ отлѣчающихся отъ общепринятыхъ. Къ сожалѣнію по случаю отсутствія на съѣздѣ самого автора (докладъ былъ прочтенъ проф. Платоновымъ) пренія возникнуть не могли, а вслѣдствіе этого и главныя положенія доклада не могли быть подробно развиты и обставлены дальнѣйшими доказательствами. Первенствующее значеніе среди мѣстныхъ древностей А. А. Спицынъ придаетъ древностямъ латышей на сѣверѣ (которыхъ онъ считаетъ весьма близкимъ къ семигалламъ, но не вполне тождественнымъ съ ними племенемъ) и Литвы на югѣ. Латышская культура сосредоточивалась въ мѣстности между р. Виядавою и Нѣманомъ; она держалась въ краѣ на протяженіи не менѣе восьми вѣковъ—отъ VIII до XVI вѣка. Источники этой культуры въ настоящее время съ точностью опредѣлены быть не могутъ. Искать ихъ можно въ чрезвычайно интересной и весьма опредѣлившейся мѣстной культурѣ, принадлежавшей ко времени отъ III до VII вѣка, про которую пока можно лишь замѣтить, что на ней не видно слѣдовъ ни скандинавскаго, ни готскаго вліянія: скорѣе можно сказать, что въ началѣ она живетъ элементами римской культуры. Древности собственной Литвы, съ значительнымъ вѣроятіемъ, извѣстны съ VIII по X вѣка и имѣютъ весьма малое отношеніе къ латышскимъ. Эсты, можно думать, древнѣйшіе поселенники ихъ современнаго края: ихъ древности начинаются со II вѣка по Р. Х. Обладали-ли они самостоятельной культурою или нѣтъ, рѣшить трудно; во всякомъ случаѣ съ VIII—IX вѣка они начинаютъ усваивать культуру латышей. Культурѣ ливовъ въ мѣстныхъ древностяхъ А. А. Спицынъ не придаетъ большаго значенія; принято думать, что они появляются въ краѣ лишь съ VIII—IX вѣковъ. Съ IX вѣка извѣстно имя куровъ, а съ X по XVI и ихъ, пока немногочисленныя, древности: куры повидимому, рано подпали скандинавскому вліянію; трудно рѣшить, къ какому племени они принадлежали: къ литовскому или финскому. Загадочныя венды врядъ-ли принадлежали къ славянамъ. Собственная Финляндія издревле была заселена сумью и ямью и все время была подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ скандинавской культуры. Корела явилась въ краѣ, повидимому, лишь въ сравнительно позднее время; то же можно сказать и о Води-Литовско-финскія области края окаймлялись съ востока и юго-востока

міромъ русскихъ славянъ. Однако изъ славянскихъ древностей въ настоящее время можетъ быть положительно отмѣчено латышское вліяніе лишь на однихъ полоцкихъ; въ свою очередь русское вліяніе сказывается лишь на древностяхъ Води.

Переходя теперь къ сообщеніямъ, имѣвшимъ своимъ содержаніемъ отдѣльные вопросы и относящимся къ мѣстнымъ древностямъ, мы отмѣтимъ прежде всего два сообщенія, затрогивающія наиболѣе отдаленныя времена: докладъ маститаго нѣмецкаго ученаго проф. д-ра Р. Вирхова „О древнѣйшихъ жителяхъ сѣверной Европы и особенно Ливоніи“ и Б. А. Тураева „Вопросъ о финикіянахъ въ Балтійскомъ морѣ“. Отмѣтивъ прежде всего тотъ фактъ, что въ древнѣйшихъ могильникахъ Прибалтійскаго края (неолитическаго періода) нельзя еще видѣть древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ какъ погребеніе всегда обуславливалось нѣкоторою высотой культуры, проф. Вирховъ обратилъ особое вниманіе на свайныя постройки въ Аррашскомъ озерѣ, склады кремневыхъ предметовъ на берегу Буртнекскаго озера и холмъ Ринненкальсъ на берегу рѣки Салиса. Находимыя здѣсь вещи онъ сближаетъ съ вещами, находимыми на берегахъ Ладожскаго озера, въ Финляндіи и во Владимірской губерніи, въ холмахъ, подобныхъ Ринненкальсъ. Черепа, находимые сверхъ того въ тѣхъ же мѣстностяхъ Владимірской губерніи и принадлежащіе финскому племени, приводятъ къ выводу, что и въ Прибалтійскомъ краѣ аборигены принадлежали тому же племени. Вещи холма Ринненкальсъ позволяютъ, кромѣ того, отнести его къ типу „Kjokkenmodding“ (кухонные остатки) въ Даніи, а время его образованія—къ періоду между сѣвернымъ оленемъ и домашнею свиньей.

Б. А. Тураевъ въ своемъ докладѣ о финикіянахъ приходитъ къ такимъ выводамъ: при отсутствіи физической невозможности появленія въ Балтійскомъ морѣ кареагенянъ, нѣтъ для этого исторической необходимости. Ихъ могъ привлекать только янтарь, но онъ въ то время находился еще въ изобиліи и на западѣ отъ Ютландіи и, при томъ, въ кареагенскую эпоху, не былъ предметомъ особеннаго спроса на берегахъ Средиземнаго моря. Что касается древнихъ финикійцевъ, то ихъ эпоха, дѣйствительно, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда янтарь цѣнился, если не на востокѣ, то въ Греціи. Многое говоритъ въ пользу морскихъ путей финикійцевъ на Балтійское море. Къ тому же физико-химическія изслѣдованія Helm'a въ Данцигѣ доказали, что микенскія и италійскія бусы сдѣланы изъ балтійскаго янтара. Такимъ образомъ ясно, что уже въ это отдаленное время наше побе-

реже находилось въ сношеніяхъ, хотя бы и въ косвенныхъ съ культурнымъ міромъ.

О рефератахъ, касавшихся отдѣльныхъ типовъ могильниковъ, какими являлись рефератъ проф. Гаусмана о ливонскихъ могильникахъ, К. Боя о курляндскихъ и В. И. Сизова о курганахъ въ Пассельнѣ, мы много говорить не будемъ, такъ какъ пришлось бы повторять многое изъ сказаннаго при обзорѣ археологической выставки. Отмѣтимъ лишь одинъ видъ могильниковъ, съ которыми пришлось сталкиваться и проф. Гаусману при обследованіи ливонскихъ могильниковъ, и К. Боя въ Курляндіи; это — каменнорядовые могильники, образовавшіеся изъ присоединенія отдѣльных каменныхъ ящиковъ другъ къ другу. Вещи и монеты, въ нихъ находимые, позволяютъ отнести ихъ къ первымъ пяти вѣкамъ нашей эры. Встрѣчаются подобные могильники, но не столь правильной конструкціи, и въ Эстляндіи, но болѣе поздняго времени.

Выводы В. И. Сизова, сдѣланные на основаніи раскопокъ въ Пассельнѣ (Курляндіи), довольно рѣзко расходятся со взглядами большинства ученыхъ. Въ Пассельнскомъ могильникѣ обнаружено три слоя погребенія, при чемъ наибольшій интересъ представляетъ конечно нижній. Здѣсь обнаруживаются слѣды *трупосожженія въ ямахъ*. Культура вещей этого могильника рѣзко отличается отъ летской и ливской. Все указываетъ на воинственный, конный, нечуждый земледѣлію и торговлѣ народъ, жившій здѣсь въ XIII вѣкѣ и сожигавшій своихъ покойниковъ. По мнѣнію В. И. Сизова, народъ этотъ — венды, отступившіе сюда подъ напоромъ нѣмцевъ; съ этимъ совпадаетъ и извѣстіе Генриха Латыша о переселеніи вендовъ съ р. Виндавы къ нынѣшнему г. Вендену. Докладъ г. Сизова вызвалъ оживленные пренія; многіе приурочивали культуру Пассельнскаго могильника къ другимъ народностямъ, какъ напримѣръ, курамъ и литовцамъ.

Къ рефератамъ о доисторическихъ древностяхъ Прибалтійскаго края можетъ быть отнесенъ и рефератъ К. Литтига „Объ опредѣленіи времени происхожденія бронзовыхъ предметовъ, найденныхъ въ ливонскихъ могильникахъ“. При обзорѣ археологической выставки была уже отмѣчена скудость бронзовыхъ предметовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Рефератъ г. Литтига косвенно подтверждаетъ ту же мысль. Референтомъ было указано, что въ средніе вѣка цехомъ мѣдниковъ и кожевниковъ въ Ригѣ изготовлялись изъ бронзы тѣ же предметы, какіе составляютъ главное содержаніе въ ливонскихъ курганахъ. Вещи эти въ большомъ количествѣ расходились среди мѣст-

наго крестьянства; вотъ почему требуется большая осторожность при опредѣленіи хронологической даты подобныхъ находокъ, особенно если онѣ принесены со стороны, а не найдены самимъ изслѣдователемъ.

Въ болѣе позднимъ эпохамъ исторіи Прибалтійскаго края относятся сообщенія д-ра I. Саксендала „О вѣсахъ въ Ливоніи въ XI вѣкѣ“, К. фонъ-Левисъ-офъ-Менара о своей уже вышедшей въ свѣтъ картѣ „Livland in Mittelalter“, д-ра Гремплера „О средневѣковыхъ чашахъ, примѣнительно къ чашѣ, найденной въ Пэддесѣ“ (предназначенныхъ, по мнѣнію большинства ученыхъ, для литургическихъ цѣлей; докладчикъ, раздѣляющій взгляды Ромера и Фриммеля, относитъ ихъ къ домашней утвари) и фонъ-Нотбека „О мѣрахъ сохраненія памятниковъ зодчества въ Прибалтійскомъ краѣ“.

До сихъ поръ мы говорили о докладахъ, имѣвшихъ своимъ содержаніемъ древности края безъ различія національностей, къ которымъ относятся эти древности. На съѣздѣ, кромѣ того, былъ предложенъ рядъ рефератовъ, затрагивающихъ прошлое двухъ главныхъ и коренныхъ народностей края—латышей и эстовъ.

Начнемъ съ вопроса о древнихъ жилищахъ этихъ народностей.—Д-мъ Биленштейномъ было сдѣлано сообщеніе „о древне-латышскихъ городищахъ“.—Первое лѣтописное извѣстіе о нихъ (у Римберта въ его „Vita Anskarii“) относится къ девятому вѣку. Число ихъ въ настоящее время доходитъ до 300; больше всего—на югѣ края. Уголь, расплавленное желѣзо да, въ одномъ изъ нихъ, большое количество поджареннаго ячменя—вотъ все, что найдено до сихъ поръ въ этихъ городищахъ. Докладчикъ склонялся къ тому мнѣнію, что городища эти были мѣстомъ постоянного жительства, а не убѣжищемъ на случай войны. Значительное количество ихъ объясняется тѣмъ почти непрерывнымъ военнымъ положеніемъ, въ которомъ находились древніе латыши. Способъ постройки ихъ мало чѣмъ отличается отъ постройки городищъ у ливовъ, литовцевъ и эстовъ; только у послѣднихъ замѣтно обиліе камня въ городищахъ, что объясняется незначительнымъ количествомъ въ ихъ странѣ природныхъ возвышенностей. Во второмъ своемъ рефератѣ „О деревянномъ вѣкѣ латышей“ д-ръ Биленштейнъ подробно остановился на устройствѣ отдѣльныхъ жилищъ у латышей и тѣмъ какъ бы пополнилъ свой первый докладъ. Эстонскимъ городищамъ также былъ посвященъ отдѣльный докладъ, именно—фонъ-Ховена объ эстонскомъ городищѣ Пууннамэгги.

Не была забыта и латышская и эстонская народная поэзія. Г. Берзинъ далъ рефератъ о „Собіраніи и изученіи народныхъ пѣсень“, что началось еще съ XVII вѣка и особенно усилилось въ половинѣ нынѣшняго вѣка, когда вышли сборники Бютнера „Пѣсни и баллады латышскаго люда“, Спрогиса и Трейланда (напечатанные русскимъ алфавитомъ и снабженные русскимъ переводомъ) и труды д-ра Биленштейна. По поводу этого реферата проф. Завитневичъ указалъ на возможность вліянія налѣва бѣлорусскихъ пѣсень на латышскія, а проф. Кочубинскій говорилъ о желательности ббльшого однообразія въ латышской графикѣ. Научное историческое значеніе этихъ пѣсень (для археологій, этнографіи и даже народной психологій) было выясняемо на сѣздѣ д-мъ Биленштейномъ. Объ эстонскихъ пѣсняхъ докладывалъ пасторъ Гуртъ; онъ остановился главнымъ образомъ на собранной имъ коллекціи, которая была выставлена на археологической выставкѣ. Коллекція эта изъ 136 томовъ заключаетъ въ себѣ массу пѣсень, сказокъ, преданій, описаній обычаевъ и тому подобныхъ. Она возникла въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, при чемъ значительная часть ея доставлена настору самимъ населеніемъ, отдѣльными лицами, принадлежащими къ самымъ различнымъ социальнымъ слоямъ. Записанный ими матеріалъ собирался и входилъ въ коллекцію безъ всякой предварительной корректуры.

Къ той же категоріи этнографическихъ рефератовъ могутъ быть отнесены сообщенія д-ра Беценбергера о Гудахъ (названіе бѣлорусскихъ выходцевъ въ Пруссіи, неимѣющее ничего общаго съ Готами, какъ прежде думали), д-ра Конвентца „О живыхъ свидѣтеляхъ старины въ Прибалтійскомъ краѣ“, д-ра Германа „Объ эстонскихъ названіяхъ мѣстностей“ и И. Д. Крюгера „О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей“, главнымъ образомъ, въ трехъ отношеніяхъ: 1) религіозномъ, 2) судебномъ и 3) въ отношеніи родового быта и зачатковъ образованія княжеской власти. Послѣдній докладчикъ основывался преимущественно на данныхъ языка; по этому поводу проф. Успенскимъ и другими было замѣчено, что нерѣдко сходство въ названіяхъ у двухъ народовъ объясняется не вліяніемъ одного на другой, но общностью происхожденія, что могло имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ.

Въ заключеніе упомянемъ о четырехъ рефератахъ, относящихся къ археографіи Прибалтійскаго края. Проф. Филипповъ сообщилъ о „Матеріалахъ для исторіи Прибалтійскаго края въ русскихъ центральныхъ архивахъ“. Докладчикъ остановился, главнымъ образомъ,

на сокровищахъ архива министерства юстиціи въ Москвѣ и сенатскаго архива въ Петербургѣ, гдѣ хранятся не мало документовъ, относящихся къ исторіи Лифляндіи и Эстляндіи не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ болѣе раннюю пору; документы эти относятся частью къ мѣстной исторіи края, частью къ исторіи сношеній мѣстныхъ учреждений съ центральными. Два реферата г. Бѣляшевскаго „Инфлантская ревизія 1599 г. и инвентари ливонскихъ замковъ“ и „о дневникѣ Полубинскаго изъ эпохи войнъ за Ливонію“ касались архивовъ бывшаго финансоваго управленія царства Польскаго, хранящихся въ настоящее время при варшавской казенной палатѣ.

Г. Дидерихсъ сдѣлалъ докладъ о „Герцогскомъ архивѣ въ Митавѣ“. Изложивъ вкратцѣ исторію архива, потери, имъ понесенныя, тѣ заботы о немъ, какія выказало курляндское дворянство и курляндское общество словесности и художествъ, а также то печальное состояніе, въ какомъ находится архивъ въ настоящее время, г. Дидерихсъ закончилъ свой докладъ просьбой, обращенною къ съѣзду и его предсѣдателю, гр. Уваровой, ходатайствовать передъ правительствомъ о передачѣ герцогскаго архива курляндскому дворянству. Докладъ этотъ вызвалъ оживленныя пренія; было высказано, между прочимъ, мнѣніе (проф. Корсаковымъ) о желательности привлечь вышеупомянутое общество къ ученой разработкѣ архива, оставивъ внѣшнюю администрацію у того учрежденія, въ вѣдѣніи котораго онъ находится нынѣ. Съ своей стороны, гр. Уварова заявила, что какъ предварительный комитетъ съѣзда, такъ и его почетный предсѣдатель, великій князь Сергій Александровичъ, были заинтересованы участіемъ этого архива; и въ настоящее время она считаетъ необходимымъ передать это дѣло совѣту съѣзда для ходатайства объ окончательномъ разрѣшеніи этого вопроса. Въ числѣ постановленій съѣзда мы, дѣйствительно, находимъ одно, вызванное, какъ видно, отчасти только что указаннымъ докладомъ, отчасти личнымъ осмотромъ членами съѣзда рижскихъ и митавскихъ архивовъ. Постановленіе это гласитъ: „Съѣздъ ходатайствуетъ объ организаціи дѣлъ архивовъ Прибалтійскаго края (шведскаго и генералъ-губернаторскаго въ Ригѣ и герцогскаго въ Митавѣ) съ цѣлью дать имъ соотвѣтствующее помѣщеніе и ученыхъ архивариусовъ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доступными для пользованія и изученія“.

Къ рефератамъ, посвященнымъ изученію мѣстныхъ древностей, примыкаютъ до извѣстной степени и тѣ сообщенія, въ которыхъ были затронуты вопросы о взаимоотношеніи русскихъ и вѣмцевъ, о влияніи одного народа на другой въ различныхъ областяхъ жизни.

Проф. Пѣтуховымъ было обращено вниманіе на слѣды непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древне-русскую (не считая переводовъ черезъ посредство третьяго языка, главнымъ образомъ польскаго). Указанія на подобные переводы существуютъ иногда въ самихъ переводныхъ книгахъ, какъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ библейскихъ книгахъ московской синодальной бібліотеки. Весьма распространенное въ XVI и XVII вѣкахъ „Двоесловіе живота и смерти“ является также переводомъ съ нѣмецкаго (съ любскаго изданія); переводъ этотъ интересенъ еще и тѣмъ, что даетъ болѣе цѣльное понятіе объ этомъ произведеніи, такъ какъ нѣмецкій оригиналъ дошелъ до насъ лишь въ отрывкахъ. Особенно усилилась переводная литература съ нѣмецкаго послѣ учрежденія въ Москвѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ придворнаго театра, устройство котораго было поручено, какъ извѣстно, нѣмецкому пастору. Переводились по преимуществу книги медицинскія, календари, переиздавались и нѣмецкія гравюры какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Взгляды проф. Пѣтухова нашли поддержку со стороны проф. Владимірова, который замѣтилъ, однако, что не всегда выраженіе „съ лютеранскихъ (или нѣмецкихъ) книгъ“, встрѣчаемое въ нашихъ древнихъ переводахъ, можно толковать въ смыслѣ перевода *съ нѣмецкаго языка*: иногда это — просто указаніе на изданіе подлинника въ Германіи и только; проф. Завитневичъ и Соболевскій дополнили перечень книгъ, сдѣланный докладчикомъ; первый, указавъ на переводъ нѣкоторыхъ полемическихъ протестантскихъ сочиненій, появившихся въ XVI—XVII вѣкахъ въ Южной Руси во время борьбы католичества съ православіемъ, второй — на сочиненія по военному искусству, которыя также могли быть переведены съ нѣмецкаго.

Нѣмецкое вліяніе въ области права было отмѣчено проф. Багалѣемъ въ его рефератѣ „О Магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи“. Рефератъ, составленный на основаніи архивныхъ данныхъ, заключалъ въ себѣ внѣшнюю исторію права въ этихъ городахъ (Переяславль, Черниговъ, Нѣжинъ и др.), внутреннее устройство суда и управленія въ этихъ городахъ какъ *de jure*; такъ и *de facto* и, наконецъ, указаніе причинъ, неблагопріятствовавшихъ развитію самоуправленія по магдебургскому образцу.

Торговыя сношенія были затронуты въ сообщеніи К. фонъ-Штерна „Торговые пути ганзеатовъ въ Великій Новгородъ“. Пути эти рассматривались докладчикомъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія вліянія ихъ на основаніе городовъ въ Ливоніи, при чемъ было обращено

вниманіе на соперничество этихъ путей между собою и преобладаніе въ разное время разныхъ путей въ зависимости отъ характера отношеній Великаго Новгорода къ великому княжеству Суздальскому и шведской Финляндіи. Къ этой же категоріи можно отнести и рефератъ проф. Маркевича „О чеканкѣ русскихъ денегъ въ Кокенгузенѣ (близъ Риги) въ половинѣ XVII вѣка“. Извѣстіе объ этомъ находится у Котошихина. По мнѣнію докладчика въ извѣстіи этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Котошихинъ, имѣя близкое прикосновеніе къ переговорамъ со Швеціею, могъ хорошо знать о кокенгузенскомъ монетномъ дворѣ, на которомъ еще въ XVI вѣкѣ рижскій архіепископъ чеканилъ свои деньги. Послѣ взятія Кокенгузена русскими вполнѣ возможно допустить здѣсь чеканку русскихъ денегъ, такъ какъ въ это время усиливается ихъ чеканка вообще во всемъ государствѣ: въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Кокенгузенскія деньги до сихъ поръ не попадались въ руки нумизматамъ, но это объясняется отчасти тѣмъ, что указомъ 1663 г. значительное количество мѣдныхъ денегъ (мелкой монеты) было уничтожено; правда, въ указѣ этомъ ничего не говорится специально о кокенгузенскихъ деньгахъ, но это, очевидно оттого, что въ это время городъ Кокенгузенъ былъ уже снова возвращенъ шведамъ. На это проф. Бережковъ замѣтилъ, что нельзя еще считать доказаннымъ существованіе *особою монетною двора* въ Кокенгузенѣ, что не противорѣчитъ мнѣнію о существованіи особыхъ кокенгузенскихъ *денегъ*: ихъ могли чеканить въ военное время въ лагерѣ; отсутствіемъ двора объясняется и отсутствіе особаго кокенгузенскаго штемпеля, а этимъ послѣднимъ то обстоятельство, что нумизматы не могли до сихъ поръ отличить кокенгузенскія деньги отъ другихъ московскихъ.

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ основанъ два года тому назадъ. Съ его основаніемъ открылось новое широкое поле дѣятельности для русскихъ ученыхъ — области Турецкой Имперіи, Греціи, Балканскаго полуострова. Кое что въ этомъ направленіи сдѣлано уже новымъ ученымъ учрежденіемъ; еще больше предстоитъ совершить. Общій очеркъ исторіи Института за первые два года его существованія, отчетъ о его трудахъ и перечень предстоящихъ работъ былъ сдѣланъ директоромъ его, извѣстнымъ византинистомъ О. Н. Успенскимъ; рядъ другихъ рефератовъ самого директора и г.г. Айналова, Рѣдина, Вульфа и Павловскаго какъ бы дополнили этотъ отчетъ, остановившись болѣе подробно на тѣхъ или другихъ приобрѣтеніяхъ Института, на его экскурсіяхъ и т. п.; всѣ эти рефераты очень тѣсно

связаны другъ съ другомъ и мы предпочитаемъ не излагать ихъ порознь, но постараемся набросать на основаніи ихъ болѣе или менѣе полную картину дѣятельности Института за истекшее двухлѣтіе.

Институтъ, несмотря на свое недавнее возникновеніе, обладаетъ уже довольно значительнымъ научнымъ богатствомъ и библіотекой, составленною въ значительной степени на пожертвованія различныхъ ученыхъ обществъ и учреждений; въ его распоряженіи находятся по крайней мѣрѣ главнѣйшіе труды и изданія, необходимыя для запятія византійскими древностями: *Migne*, *Acta sanctorum*; *Corpus Inscriptionum*; *Bronii Annales* и др. Организация библіотеки — была первымъ дѣломъ Института на его новомъ поприщѣ. Кромѣ того Институту было сдѣлано уже нѣсколько пріобрѣтеній, имѣющихъ археографическій и археологическій интересъ. Среди таковыхъ нельзя не отмѣтить прежде всего очень древній списокъ Евангелія (V—VI вѣка) на греческомъ языкѣ: пурпуровый экземпляръ, написанный золотомъ и серебромъ. Списокъ этотъ былъ найденъ въ Малой Азіи въ деревнѣ Сермисахлы близъ Кесаріи. Экземпляръ этотъ далеко не полонъ, и по всему видно, что до переизлеченія онъ сильно пострадалъ (всего — 187 листовъ, недостаетъ 270 листовъ, то-есть болѣе половины). Отдѣльные листы пурпуроваго кодекса, указанные въ различныхъ хранилищахъ Тишендорфомъ (въ его *Monumenta Sacra inedita*) и Сакеллиономъ (*Πατριακή Βιβλιοθήκη*), какъ оказывается, являются составною частью вновь найденнаго кодекса. Очевидно, кодексъ былъ разрозненъ лишь въ средніе вѣка, и есть основаніе предполагать, что въ немъ были какія то прибавленія и даже, быть можетъ, образцы живописи, которые до насъ, однако, не дошли. Вновь найденный кодексъ былъ обследованъ г.г. Погодинымъ и Смирновымъ. Въ деревнѣ Текнели-Хіой и въ Псамматіи, близъ Константинополя, было найдено два древнихъ христіанскихъ саркофага: одинъ IV, другой V вѣковъ, являющіеся интересными памятниками ранняго христіанскаго искусства. На первомъ — изображеніе корабля съ распущенными парусами и небольшимъ крестикомъ на верху мачты; на другомъ почти горельефное изображеніе Христа и двухъ апостоловъ. На крышкѣ втораго саркофага, кромѣ того, есть изображеніе Богородицы и Михаила Архангела, но болѣе поздней работы: по мнѣнію однихъ, XII—XIII вѣка. по мнѣнію другихъ, времени послѣ паденія Константинополя. Институту пріобрѣтены, кромѣ того, новые памятники древней письменности: жизнь св. Евгенія Трапезунтскаго, новые матеріалы для исторіи Итала, для исторіи богомилства и не-

изданныя сочиненія Льва Мудраго, а изъ вещественныхъ памятниковъ—древнія мозаики и надписи на стѣнахъ и камняхъ.

Занятія Института протекають зимою — въ засѣданіяхъ, лѣтомъ — устраиваются научныя экскурсіи. Такъ были предприняты поѣздки въ Анатолію, Аеонъ, гдѣ находится до 10.000 рукописей, въ Аѳины, Никею, Бруссу и Никомедію и въ сѣверную Болгарію. Экскурсія въ Никомедію была богата архитектурными находками, и, напротивъ того, отличалась скудостью скульптурныхъ. Это объясняется, быть можетъ, двукратнымъ разрушеніемъ этого города въ IV и XIV вѣкахъ. Напротивъ того, поѣздка въ Никею ознаменовалась очень интересными находками въ области классической скульптуры: на остаткахъ городской стѣны римской эпохи, близъ воротъ, найдены прекрасные рельефы съ изображеніемъ охотничьихъ и военныхъ сценъ. Кромѣ того, хорошіе скульптурные фрагменты вырыты изъ земли; сюжетъ этихъ послѣднихъ близко подходитъ къ извѣстнымъ сценамъ Иліады: смерть Гектора и Іріамъ у Ахиллеса. Определить назначеніе этихъ послѣднихъ фрагментовъ не представляется еще возможнымъ. Скульптурныя произведенія классической эпохи (стела VI, самое позднее V вѣка до Р. Хр. и торсъ Діониса) найдены также во время экскурсіи по сѣверной Болгаріи, близъ Софіи. Эта послѣдняя экскурсія была богата кромѣ того находками болѣе поздняго времени (XVI—XVII вѣковъ), интересными, какъ образцы мѣстнаго національнаго искусства. Были обследованы многіе курганы, надписи, храмы и монастыри, записано много преданій и т. п. Экскурсіи Института на этомъ конечно не останвятся; директоромъ его на послѣднемъ засѣданіи съѣзда въ увлекательномъ и краснорѣчивомъ докладѣ „Болгарія въ археологическомъ отношеніи“ было указано на эту послѣднюю страну, какъ на широкое поле дѣятельности въ ближайшемъ будущемъ для русскихъ ученыхъ вообще и для Института въ частности. Кромѣ этого, Институтъ намѣренъ приступить къ слѣдующимъ научнымъ предпріятіямъ: составленію исторіи древнихъ монастырей константинопольскаго патріархата и совмѣстной русско-французской экспедиціи на Аеонъ, по предложенію французскаго министерства народнаго просвѣщенія и французской академіи наукъ. Археологическій съѣздъ ходатайствовалъ какъ о предоставленіи средствъ Институту на это послѣднее предпріятіе, такъ и вообще объ увеличеніи его средствъ и ученаго персонала въ виду важности и необходимости дальнѣйшей разработки русскими учеными древностей Балканскаго полуострова, прилегающихъ къ нему славянскихъ государствъ и мало-азіатскаго полуострова.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность новаго русскаго ученаго учрежденія. Остается пожелать, чтобы и впредь Русскій Археологическій институтъ работалъ въ томъ же направленіи, чтобы и будущіе его труды отличались бы такимъ же чисто-научнымъ безпристрастнымъ духомъ, чтобы, наконецъ, онъ нашелъ поддержку не только въ правительствѣ, но и въ самомъ обществѣ; это будетъ служить наиболѣе твердымъ ручательствомъ за его хорошую будущность и дастъ нашему обществу случай показать себя дѣйствительно заслуживающимъ имени общества культурнаго и сознающаго свои задачи.

Переходимъ теперь къ работамъ съѣзда по той части археологін, которая до сихъ поръ стоитъ въ краю угла зданія этой науки и которая, какъ въ количественномъ, такъ, пожалуй, и въ качественномъ отношеніи занимала видное мѣсто на Рижскомъ съѣздѣ—разумѣемъ археологію первобытную, активными работниками которой на съѣздѣ явились, такія крупныя силы, какъ проф. Антоновичъ, Анучинъ, гг. Бранденбургъ, Милуковъ и др.

Мнѣніе объ одновременномъ существованіи мамонта и человѣка нашло новое подтвержденіе въ прочитанныхъ на съѣздѣ докладахъ проф. Кащенко и Антоновича. Первому удалось найти кости этого допотопнаго животнаго совмѣстно съ предметами, носящими на себѣ несомнѣнные слѣды человѣческихъ рукъ, близъ города Томска по берегу рѣки Томи на глубинѣ около 3 $\frac{1}{2}$ м. Находка проф. Кащенко выгодно отличается отъ подобныхъ находокъ, сдѣланныхъ до сего времени, тѣмъ, что здѣсь были найдены не отдѣльныя кости, но почти цѣльный неповрежденный костякъ. Положеніе костяка (на углѣ и переженомъ слоѣ глины), окружающія его кремневые орудія, наконецъ раздробленныя кости, съ очевидною цѣлью добычи мозга—все указываетъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ мѣстомъ пришествія первобытнаго человѣка. Находка проф. Антоновича въ предѣлахъ города Кіева интересна тѣмъ, что стоянка палеолитической эпохи, въ которой эта находка была сдѣлана, отличалась большою геологическою глубиною: на границѣ третичной эпохи; такимъ образомъ ее можно считать древнѣйшею изъ найденныхъ до сихъ поръ. Проф. В. Д. Соколовымъ было выражено сомнѣніе въ глубокой древности находки, и предположеніе о томъ, что глубина ее объясняется оползнемъ, имѣвшимъ здѣсь мѣсто. Однако геологическія изслѣдованія профессоровъ Армашевскаго и Феофилактова и поясненія, данныя на съѣздѣ проф. Покровскимъ, выясняютъ, что оползней здѣсь нѣтъ, и что слой, въ которомъ была сдѣлана проф. Антонови-

чемъ находка, дѣйствительно долженъ считаться переходнымъ отъ третичнаго къ слѣдующимъ за нимъ.

На томъ же мѣстѣ проф. Антоновичемъ была сдѣлана другая находка, но уже относящаяся къ неолитической эпохѣ. Найдено было много пищевыхъ остатковъ (главнымъ образомъ кости рыбъ), предметовъ гончарнаго производства; открыты цѣлая печи съ наполнявшими ихъ сосудами и три гробницы со скелетами въ согнутомъ положеніи (одинъ въ сидячемъ). По близости была обнаружена другая стоянка той же эпохи обильная черепками съ живописью, схожими съ находимыми въ Поднѣстровьи; интересны также глиняныя изображенія людей ¹⁾. Тутъ же по близости обнаружена третья группа памятниковъ, относящаяся уже къ позднѣйшей — переходной отъ каменнаго вѣка къ желѣзному, и къ желѣзной эпохѣ. Найдено до 80 гробницъ, при чемъ въ одной погребеніе совершенно отличное отъ остальныхъ: у головы костяка отдѣленный клыкъ кабана, возлѣ руки какое-то костяное оружіе, сколоченное желѣзными гвоздями; тутъ же кремни и раковины. Вотъ эту-то послѣднюю могилу проф. Антоновичъ и относитъ къ переходной эпохѣ. Вообще все эти находки даютъ представленіе о послѣдовательномъ рядѣ типовъ первобытной культуры въ данной мѣстности, вносятъ исторію въ до-историческія времена, и тѣмъ, конечно, должны оказать не малую пользу археологіи.

Изъ сообщеній того же отдѣла по своему содержанію, къ наиболѣе древней эпохѣ относятся рефераты профессоровъ: Мищенко „Извѣстія Геродота о внѣ-скиескихъ земляхъ Россіи“ и Ю. Кулаковскаго „О раскопкахъ крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.“. Въ первомъ была сдѣлана попытка приурочить племенные названія, встрѣчаемыя у Геродота, къ извѣстнымъ въ исторіи племенамъ. Такъ будиновъ, невровъ и агаэирсовъ проф. Мищенко относитъ къ иранскимъ племенамъ; андрофаговъ, меланхленовъ и тиссагетовъ — къ финнамъ; аргишасиъ и исседоновъ — къ монголамъ; тавровъ — къ кельтамъ; массагетовъ считаетъ собирательнымъ именемъ многихъ племенъ, въ число которыхъ входили и нынѣшніе киргизы и киргизъ-кайсаки. Къ этому реферату было сдѣлано нѣсколько дополненій А. А. Спицынымъ, указывавшемъ на необходимость признавать существованіе киммерійскаго племени, оставившаго послѣ себя курганы съ

¹⁾ Вопросъ о важности *систематическаго* изслѣдованія находокъ этой эпохи былъ выдвинутъ г. Бѣляшевскимъ въ его докладѣ „Изслѣдованіе стоянокъ неолитической эпохи“.

мѣдными вещами на протяженіи отъ Кавказа и Крыма и до губерній: Курской, Саратовской и Астраханской.

О киммерійской культурѣ и о необходимости ея признанія говорилъ и проф. Ю. Кулаковскій. Мѣсто его раскопокъ—Крымъ, южнѣе Бахчисарая на нижнемъ теченіи рр. Качи и Бельбека. Здѣсь обнаружено два рѣзко отличающихся другъ отъ друга типа погребенія. Первый—это могилы, углубленныя въ материкъ; второй—каменные склепы, сооруженные на готовыхъ курганахъ; сооружены они изъ четырехъ каменныхъ плитъ съ пятою вмѣсто крышки и снабжены иногда орнаментомъ. Костяки въ томъ и другомъ типѣ могилъ — крашенные, культура того и другаго типа—очень бѣдна: бронза встрѣчается лишь изрѣдка, какъ украшеніе въ видѣ тонкихъ пластинокъ, нашитыхъ на кожу, да иногда въ видѣ наконечниковъ копій. Курганы эти, по мнѣнію докладчика, принадлежать древнѣйшему племени, которое встрѣтили здѣсь скифы въ своемъ движеніи съ востока; ихъ то онъ и называетъ киммерійскими.

Остальные рефераты, относящіеся къ древностямъ первобытнымъ, чрезвычайно разнообразны по своему содержанію и врядъ ли могутъ быть хоть сколько нибудь систематизированы. Не отрицая научнаго (порою очень большаго) значенія многихъ изъ нихъ, нельзя не замѣтить, что группа докладовъ по первобытнымъ древностямъ особенно ярко отразила на себѣ одну характерную черту всѣхъ занятій съѣзда: большое усердіе къ дѣлу и полное отсутствіе какой бы то ни было систематичности. Можно однако замѣтить, что въ общемъ территорія Южной и Западной Россіи при занятіяхъ первобытными древностями обращала на себя болѣе вниманіе, чѣмъ центральная и Сѣверная Россія. Докладъ генерала Бранденбурга о тѣхъ языческихъ могилахъ Кіевской губерніи, въ которыхъ покойники погребены вмѣстѣ съ лошадьми, затронулъ вопросъ о погребеніи у кочевниковъ Южной Россіи кіевского періода. Могилы эти приписывались прежде полянамъ. Культура, обнаруженная въ этихъ могилахъ, а также то, что извѣстно намъ изъ письменныхъ (главнымъ образомъ византійскихъ) источниковъ о паницахъ (печенѣгахъ), заставила докладчика отвергнуть это мнѣніе и считать могилы эти печенѣжскими: по его мнѣнію все въ этихъ могилахъ обнаруживаетъ воинственное кочевое тюркское племя (даже женщины погребались съ лошадью), обладавшее оружіемъ восточнаго типа и находившееся въ сношеніяхъ съ тогдашними культурными центрами. Прежнее мнѣніе о принадлежности этихъ могилъ полянамъ—встрѣтило защитника въ лицѣ проф.

Антоновича; А. А. Спицынъ склоненъ былъ видѣть въ этихъ могилахъ половецкія; другіе — приписывали ихъ ясамъ и чернымъ клобукамъ.

Довольно обстоятельный отчетъ о типахъ могильныхъ кургановъ литовско-бѣлорусской окраины былъ представленъ О. В. Покровскимъ, обследовавшимъ одиннадцать курганныхъ группъ (всего до 400 кургановъ) въ Свенцяномъ уѣздѣ. Всѣ курганы здѣсь могутъ быть подраздѣлены на три типа: большіе сферическіе, малые сферическіе и конусообразные. Большинство окружено кольцеобразными (съ перерывами) рвами, круглыми или продолговатыми ямами; сферическіе, кромѣ того, часто имѣютъ кругомъ каменную обкладку, а сверху небольшое углубленіе. Въ одной курганной группѣ кромѣ кургановъ встрѣчаются небольшіе кольцеобразные валы, имѣвшіе очевидное значеніе при тризнахъ.

Обрядъ погребенія—труносожженіе внѣ могилы, иногда сопровождаемое погребеніемъ коня. Въ нѣкоторыхъ курганахъ, кромѣ главнаго погребенія, замѣтны слѣды второстепенныхъ, по всѣмъ признакамъ женскихъ. Большинство находокъ во всѣхъ трехъ типахъ позволяетъ отнести всѣ эти курганы къ литовскимъ; что же касается времени ихъ происхожденія, то докладчикъ склоненъ считать наиболѣе древними—малые сферическіе и относить ихъ къ VI—VIII вѣку нашей эры.

Курганамъ центральной и восточной Россіи посвящены были три доклада: проф. Смирнова („Дмитріевскій могильникъ Елабужскаго уѣзда“), П. Н. Милюкова („Отчетъ о раскопкахъ рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.“) и А. И. Черепнина („О рязанско-окскихъ могильникахъ и преимущественно о находимыхъ въ нихъ женскихъ украшеніяхъ“). Наиболѣе интересенъ, былъ второй, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ немъ сдѣлана была очень интересная и заслуживающая вниманія попытка привлечь археологическія данныя къ уясненію исторіи колонизаціи. Указавъ на четыре типа, встрѣчаемые въ рязанскихъ курганахъ, П. Н. Милюковъ останавливается главнымъ образомъ на томъ типѣ, въ которомъ мужскія погребенія характеризуются особымъ видомъ желѣзнаго оружія съ кольцомъ у рукоятки, а женскія—семилепестными височными подвѣсками. Опредѣливъ подробно характерныя черты этого типа и его хронологическую дату (XI вѣкъ), г. Милюковъ прослѣживаетъ районъ распространенія этихъ кургановъ, какъ въ предѣлахъ Рязанской губерніи, такъ и внѣ ея. Какъ оказывается, курганы этого типа встрѣчаются на востокъ

до гор. Рязани, на сѣверъ до границы Московской губерніи съ Тверскою, на югъ и западъ до губерній Тульской, Калужской, Смоленской и Могилевской (Мстиславльскаго уѣзда). Все это даетъ возможность заключить о принадлежности этихъ кургановъ кривичамъ и прослѣдить послѣдовательное расселеніе этого племени. Не разъ уже было замѣчено, что русская археологія въ настоящее время можетъ уже приступить къ нѣкоторой систематизаціи добытаго до сихъ поръ матеріала и тѣмъ оказать немалую услугу исторической наукѣ. Примѣромъ подобныхъ систематизацій можетъ служить отиѣченный уже нами докладъ А. А. Спицына. Отчетъ П. Н. Милюкова является одною изъ первыхъ и притомъ очень удачныхъ попытокъ примѣненія данныхъ археологіи къ рѣшенію историческихъ проблемъ.

Два реферата (академика Анучина и д-ра Гремплера) были посвящены специально первобытному искусству—предметамъ украшенія и орнаментистикѣ. Д-ръ Гремплеръ коснулся керамики V—VIII вѣкахъ до Р. Х., при чемъ матеріаломъ для его сообщенія послужили сосуды для праха умершихъ, находимые въ Прибалтійскомъ краѣ (главнымъ образомъ на западѣ—въ Силезіи и Помераніи). Д-мъ Гремплеромъ были прослѣжены постепенныя осложненія и видоизмѣненія орнамента на этихъ сосудахъ, начиная отъ простѣйшихъ—геометрическихъ фигуръ и кончая сложными сценами, главнымъ образомъ, изъ охотничьяго быта. Акад. Анучинъ остановился на тѣхъ случаяхъ нахожденія крестовъ (и даже христіанскихъ образковъ) въ языческихъ могилахъ, когда подобныя находки имѣли, очевидно, бѣольшое значеніе, чѣмъ простыя украшенія. Подобныя находки встрѣчаются въ большомъ количествѣ, напримѣръ, въ мерянскихъ могилахъ и сопредѣльныхъ съ ними. Находки эти, по мнѣнію докладчика, далеко не всегда могутъ служить доказательствомъ христіанства погребенныхъ; очень часто у народа, находящагося на переходной ступени отъ язычества къ христіанству, христіанскіе символы могутъ имѣть значеніе языческихъ амулетовъ; подтвержденіемъ этого служатъ многочисленныя наблюденія среди русскихъ инородцевъ. Это особенно касается креста, который, какъ извѣстно, имѣетъ символическое значеніе даже у язычниковъ, еще не сталкивающихся съ христіанствомъ.

Слѣдующій за курганами видъ земельныхъ вещественныхъ памятниковъ—городища занимали сравнительно очень мало вниманіе съѣзда; можно указать всего лишь на одинъ (правда чрезвычайно обстоятельный и интересный) докладъ проф. Антоновича „Попытка группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра“. Указавъ на малую

успѣшность сортировки городищъ по находимымъ въ нихъ вещамъ, докладчикъ предложилъ новый методъ для подобной сортировки: наблюдение надъ контурами городищъ, сличеніе съ донисторическими курганами и сопоставленіе съ лѣтописными извѣстіями, и тутъ же указалъ на результаты, къ какимъ ему удалось прійти при помощи подобнаго метода въ одной мѣстности. Въ бассейнѣ Днѣпра можно различить по контурамъ слѣдующіе типы городищъ: 1) городища—майданы, время которыхъ еще не выяснено; 2) циркулярныя съ круглымъ или овальнымъ валомъ, которыя можно считать первоначальными славянскими городищами; 3) княжескія—до XIII вѣка, съ концентрическими валами; 4) литовскаго времени, когда появилось уже огнестрѣльное оружіе, и наконецъ 5) позднѣйшія—XV, XVI и XVII вѣковъ—прямолинейныя съ бастіонами на углахъ. Новый методъ проф. Антоновича обѣщаетъ дать несомнѣнно важные результаты, хотя въ засѣданіи высказывались и въ защиту стараго раскапыванія городищъ (г. Сизовъ).

Къ этой же группѣ можетъ быть отнесено и заявленіе д-ра Аппельгрена „О новомъ способѣ чистки и сбереженіи металлическихъ предметовъ“ (изобрѣтенномъ норвежскимъ инженеромъ Крефтингомъ). Какъ видно изъ результатовъ опытовъ, демонстрированныхъ на съѣздѣ В. Д. Бахомъ, способъ этотъ даетъ поразительные результаты при очисткѣ отъ ржавчины археологическихъ находокъ. Интересующіеся найдутъ описаніе его въ брошюрѣ „Krefting's Methode für Reinigung und Konservierung von Medallgegenständen. Mit Zusätzen und Anweisungen von Dr. Hjalmar Appelgren. Helsingfors, 1896“.

Изъ постановленій съѣзда, относящихся болѣе всего къ первобытной археологіи, отмѣтимъ его второе постановленіе, а именно: „просить Императорскую археологическую Комиссію предоставлять вещи, находимыя въ могильникахъ на казенныхъ земляхъ, мѣстнымъ музеямъ, если эти вещи не будутъ нужны центральнымъ музеямъ имперіи; что же касается вещей, находимыхъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, то относительно ихъ разъяснить мѣстной администраціи, что вещи эти принадлежать тому, на землѣ кого онѣ были найдены, и отчуждаемы быть не могутъ“.

Переходя къ сообщеніямъ, касающимся этнографіи литовской и финской народности, отмѣтимъ, прежде всего, то крайне малое вни-

маніе, какое было обращено съѣздомъ на первую изъ нихъ; явленіе это тѣмъ болѣе прискорбно, что засѣданія съѣзда происходили на этотъ разъ въ мѣстности, сосѣдственной съ территоріей древней Литвы. Коренное населеніе Прибалтійскаго края—латыши племя, родственное литовскому, вслѣдствіе чего сопоставленіе данныхъ по тѣмъ или другимъ историческимъ проблемамъ, почерпнутыхъ изъ изученія прошлаго этихъ двухъ народностей, конечно, могло бы привести къ очень плодотворнымъ результатамъ. Къ сожалѣнію, если не считать отмѣченнаго уже нами доклада Ѳ. В. Покровскаго, всего два реферата на съѣздѣ касались Литвы: проф. Кочубинскаго: „О территоріи до-исторической Литвы“ и проф. Мѣржинскаго: „О священномъ дубѣ въ Ромовѣ“.

Филологическія данныя и, главнымъ образомъ, анализъ гидрографическихъ именъ составляютъ основной матеріалъ доклада проф. Кочубинскаго. Докладчикъ доказывалъ, что имена главныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, а также сѣверныхъ озеръ Минской губерніи суть слова латышско-литовскія, и только притоки притоковъ (которые, очевидно, получили свои имена позднѣе)—славянскаго корня. Вслѣдствіе этого проф. Кочубинскій полагаетъ, что литовское племя, главная масса котораго въ настоящее время сосредоточивается въ Ковенской губерніи, въ до-историческое время простиралась гораздо далѣе на югъ (до сѣвернаго бассейна Припяти) и на востокъ (до бассейна Березины). Докладъ проф. Кочубинскаго вызвалъ замѣчанія со стороны проф-въ Соболевскаго, указывавшаго на необходимость соблюденія осторожности при пользованіи исключительно филологическимъ методомъ въ рѣшеніи вопросовъ даннаго рода, и Филевича, рекомендовавшаго обращать вниманіе не на отдѣльныя географическія имена, но на массовое распространеніе названій, принадлежащихъ одному и тому же языку. Докладъ проф. Мѣржинскаго касался извѣстія Групау о священномъ вѣчно-зеленомъ дубѣ литовцевъ въ Ромовѣ и стоитъ въ довольно близкой связи съ его же докладомъ на предыдущемъ Виленскомъ Съѣздѣ о Кривѣ. Поставивъ вопросъ на общую почву, о культѣ деревьевъ вообще, проф. Мѣржинскій указалъ на распространенность этого культа. Что же касается священнаго вѣчно зеленого (эпитетъ, заимствованный у Адама Бременскаго) дуба именно въ Ромовѣ, то этого положительно доказать нельзя; Дюсбургъ, по крайней мѣрѣ, о подобномъ деревѣ ничего не говоритъ.

Финнскому племени посчастливилось болѣе, чѣмъ литовскому. Очень обстоятельный докладъ д-ра Гакмана былъ посвященъ обзору

сдѣланныхъ доселѣ находокъ, относящихся къ бронзовому вѣку въ Финляндіи, вѣку, который продолжался здѣсь до VIII вѣка по Р. Хр. До-историческій и современный бытъ финновъ (главнымъ образомъ восточныхъ) былъ затронутъ г. Рейснеромъ и проф. Смирновымъ, при чемъ не обошли и острый вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ. Проф. Смирновъ доказывалъ, что сохранившіеся до настоящаго времени обычаи вотяковъ несомнѣнно указываютъ на существованіе у этого народа въ прошломъ подобныхъ жертвъ. Изъ другихъ рефератовъ отмѣтимъ рефератъ проф. Андерсона объ этимологии словъ Біармія, Пермь, Пермьки и Зыряне. Пермь (Перемь) — корельское слово, означающее страну за рубежомъ (вродѣ нашей заволоцкой чуди); зыряне (сыряне, сурыне, сюрійяненъ) тоже корельское названіе — пограничный. Не былъ забытъ и древній суммерійскій языкъ, принадлежавшій, по мнѣнію многихъ, къ угро-финнской группѣ. Противъ этого мнѣнія одно время раздавались голоса (Галевы, Гаупта и финнскаго ученаго Доннера). Взглядъ Оппера и Роалинсона объ угро-финнскомъ происхожденіи суммерійскаго языка нашелъ однако защитниковъ въ лицѣ Кастрена, Аלקвиста и Коскинена; къ нимъ примыкаетъ и д-ръ К. А. Германъ, читавшій объ этомъ языкѣ на Съѣздѣ.

Исторія изящныхъ искусствъ занимала видное мѣсто среди занятій Съѣзда. Не была забыта даже музыка: г. Петръ представилъ докладъ „Объ армоническомъ складѣ праарійской пѣсни“. Выводы его доклада такъ изложены въ „Извѣстіяхъ“ Съѣзда:

1) Въ основаніи армоническаго строя праарійской пѣсни лежалъ интерваллъ кварты, пополнявшійся постоянно въ трихорды и тетрахорды, изъ которыхъ затѣмъ составлялись болѣе обширные звуко-ряды.

2) Въ мелодіи праарійской пѣсни преобладалъ одинъ характерный звукъ, къ которому она постоянно возвращалась и имъ оканчивалась.

3) Въ праарійской музыкѣ звуки принадлежали къ разряду натуральныхъ звуковъ, которые слышатся въ такъ называемыхъ верхнихъ звукахъ (Obertöne Гельмгольца), въ отличіе отъ современнаго темперованнаго строя.

4) Мелодія праарійской пѣсни двигалась впередъ преимущественно небольшими скачками или интервалами; интерваллъ септими, состав-

ляющій въ нашей музыкѣ такъ называемый вводный тонъ (Leitton) и не встрѣчающійся въ числѣ верхнихъ тоновъ, былъ совершенно исключенъ. За то были въ употребленіи болѣе мелкіе интерваллы, чѣмъ полутоны, то-есть четверти тона какъ наименьшіе интерваллы.

5) Въ праарійской пѣсни мелодія, ритмъ и слова были между собою неразрывно связаны. Пѣсни исполнялись хоромъ унисоно, равно какъ и музыкальный инструментъ сопровождалъ пѣсню также унисоно.

Наблюденія надъ пѣснями дали докладчику основаніе предположить, что мѣсто прародины праарійцевъ нужно искать въ центрѣ того круга, который образуютъ неарійскіе народы, окружающіе подгималайскую возвышенность—то-есть, тамъ, гдѣ его искали первые насадители сравнительнаго языкознанія.

Изъ темъ, относящихся къ словесному искусству, отмѣтимъ тему, разработанную проф. Кирпичниковымъ на основаніи рукописей Парижской Національной библіотеки: „Старо-французскія сказанія о Рождествѣ Христовомъ и ихъ отраженія въ искусствѣ“. Докладчикъ остановился, главнымъ образомъ, на Фануэлѣ, романѣ XIII вѣка. Въ романѣ этомъ, полномъ причудливой смѣси именъ и событій изъ библейской и средне-вѣковой исторіи, св. Анастасія замѣняетъ собою при Рождествѣ Христовомъ Саломію, и какъ бы въ pendant къ этому существуютъ нѣсколько западныхъ иконографическихъ памятниковъ съ такою же замѣною. Греческая надпись на одной иконѣ XIII—XIV вѣка косвенно указываетъ, кромѣ того, на существованіе легенды съ подобною же замѣною и на Востокѣ.

Три главныхъ центра образовательныхъ искусствъ въ Россіи — Кіевъ, Новгородъ и Москва, также были затронуты на Съѣздѣ.

Изъ исторіи Кіевской живописи былъ взятъ лишь позднѣйшій періодъ живописи Кіево-Печерской лавры. Референтъ (М. П. Истоминъ) задался цѣлью опредѣлить время, начиная съ котораго въ нашей южно-русской живописи замѣчается заимствованіе съ запада, и тотъ путь, какимъ шло это заимствованіе. Матеріаломъ для рѣшенія этого вопроса ему послужили рисовальныя руководства нашихъ церковныхъ живописцевъ конца XVII и первой половины XVIII вѣка, ихъ собственныя рисунки и рукописные ээстры иконъ Кіево-Печерскаго храма XVIII вѣка. Заимствованіе шло главнымъ образомъ изъ Германіи (Аугсбурга), Франціи, Голландіи, Италіи (Венеціи) и даже Англіи. Время процвѣтанія кіевской гравюры и живописи — вторая

половина XVII и первая XVIII вѣковъ. Референтъ считаетъ возможнымъ утверждать, что стѣнописи лаврскаго храма, много разъ возобновлявшаяся въ XVIII и XIX вѣкахъ, по выработкѣ содержанія относится ко времени Петра Могилы. Взгляды референта встрѣтили, однако, критику со стороны проф. Н. И. Петрова, доказывавшаго, что ничего подобнаго стѣнописи XVIII вѣка не было на лаврскихъ стѣнахъ въ XVII вѣкѣ.

Въ половинѣ XVIII вѣка, какъ видно изъ доклада проф. Голубцова, мѣсто учителя рисованія въ Троицкой семинаріи занимаетъ іеромонахъ Кіево-Межигорскаго монастыря (съ юга) Павелъ Казановичъ, замѣнившій собою преподававшаго до него Николая Каменскаго. Съ его времени усиливается въ школѣ то западное направленіе, котораго держался и Каменскій. Такимъ образомъ, можно думать (говоримъ отъ себя), что и усиленію западнаго направленія въ иконописной школѣ Троицкой лавры косвенно содѣйствовала наша южно-русская живопись.

Новгородская живопись была затронута Н. И. Петровымъ (по поводу вновь открытыхъ фресокъ Софійскаго Новгородскаго собора). Главное вниманіе, однако, было обращено на новгородскую архитектуру. В. В. Сусловъ далъ отчетъ о своихъ работахъ по ремонту этого собора. Многочисленными поправками храмъ искаженъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ до неузнаваемости. Полъ его былъ на два съ половиною аршина ниже современнаго; значительная часть арочныхъ переходовъ и нишъ задѣлана; многія окна на половину заложены; кое-гдѣ двойной рядъ ихъ замѣненъ одиночнымъ; многіе фресковыя изображенія были заштукатурены. Въ настоящее время, послѣ ремонта, есть возможность возстановить первоначальный видъ этого замѣчательнаго памятника русской архитектуры. Изъ многочисленныхъ преній, возникшихъ послѣ прочтенія В. В. Сусловымъ своего доклада, прямое отношеніе къ дѣлу имѣли лишь замѣчанія проф. Петрова, находившаго сходство въ планѣ Новгородскаго Софійскаго собора съ Кіевскимъ и расходившагося съ докладчикомъ во взглядѣ на время возникновенія боковыхъ придѣловъ. По поводу отчета В. В. Суслова Съѣздомъ было сдѣлано слѣдующее постановленіе: „По поводу сообщенія академика Суслова о реставраціи храма св. Софіи Новгородской возникли пренія, изъ которыхъ выяснилось, что при реставраціи частью пострадали нѣкоторые важныя памятники древностей, частью совсѣмъ уничтожены: X археологическій съѣздъ выражаетъ свое глубокое сожалѣніе и проситъ Император-

скую археологическую комиссію принять мѣры предупрежденія подобныхъ нежелательныхъ случайностей" ¹⁾).

Мы остановились далеко не на всѣхъ рефератахъ по исторіи искусствъ. Кромѣ названныхъ, къ исторіи византійскаго и западно-европейскаго искусства относились доклады гг. Вульфа („Возстановленіе Константинопольскаго храма св. апостоловъ на основаніи вновь открытаго описанія“) и Рѣдина („Мозаики равенскихъ церквей“); къ исторіи русской иконографіи доклады гг. Добрынкина и Четыркина (объ изображеніяхъ св. Никиты; во второмъ докладѣ было отмѣчено между прочимъ значеніе крестовъ и иконокъ со св. Никитой, какъ профилактіей отъ болѣзней); къ исторіи памятниковъ искусства отдѣльных мѣстностей—г. Миловидова („Церковно-археологическіе памятники г. Пинска“) и о. Паевского („Каменецъ-Литовскъ и его древніе храмы“).

Рефератовъ по классической археологіи было очень мало, всего два, при чемъ первый изъ нихъ (проф. Ф. Штерна: „О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи“) звучалъ глубокою скорбью по поводу трудности борьбы съ поддѣлываніемъ древнихъ вещей и являлся, тѣмъ не менѣе, энергичнымъ призывомъ ученыхъ силъ на подобную борьбу. По поводу этого реферата Съездомъ было сдѣлано постановленіе: „Предложеніе проф. фонъ-Штерна Съезду — выработать циркулярное сообщеніе о поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи на главныхъ европейскихъ языкахъ для распространенія его во всѣхъ специальныхъ органахъ, общихъ журналахъ и газетахъ принять и просить проф. Штерна выработать проектъ подобнаго циркуляра и представить таковой въ Императорское Московское археологическое общество“.

Второй рефератъ, проф. Мальмберга, касался „Времени и мѣста происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ южной Россіи“. Докладчикъ обратилъ главное вниманіе: 1) на предметы украшенія изъ благородныхъ металловъ и 2) на предметы гончарнаго искусства—росписныя вазы. Предметы первой группы — собственности мѣстныхъ высокопоставленныхъ лицъ; второй — эллинскихъ колонистовъ. Проф. Мальмбергъ остановился, между прочимъ,

¹⁾ Памятники древностей, о которыхъ здѣсь говорится,—надписи на стѣнахъ собора, которыя, по объясненію В. В. Суслова, нельзя было сохранить при производствѣ работъ, но съ которыхъ были сняты рисунки.

на знаменитыхъ чертомлыцкой вазѣ и куль-обской чашѣ, которыя онъ считаетъ издѣліями греческихъ мастеровъ, жившихъ въ Россіи, и золотомъ ажурномъ предметѣ, найденномъ проф. Н. И. Веселовскимъ, какъ на образцѣ работы не ранѣе IV вѣка до Р. Хр. греческаго мастера, поддавшагося вліянію мѣстнаго вкуса.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ о рефератахъ случайнаго характера, которые по своему содержанію не могутъ быть подвѣдены ни подъ одну изъ намѣченныхъ группъ. Авторы нѣкоторыхъ изъ такихъ рефератовъ ограничивались указаніемъ того, что желательно было бы сдѣлать для археологін, и намѣчали различныя очередныя задачи этой науки. Таковыми являются доклады проф. Будиловича („О задачахъ славяно-русской археологін по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи“) и Филевича („Нѣсколько замѣчаній по поводу разработки географической номенклатуры“). Первый изъ этихъ рефератовъ, въ которомъ высказывалось, между прочимъ, предложеніе—снарядить археологическую экспедицію въ Венгрію, вызвалъ постановленіе Съѣзда, выражающее сочувствіе Съѣзда подобной мысли. Другіе рефераты относились къ различнымъ частнымъ вопросамъ русской исторіи и являлись какъ бы результатомъ занятій отдѣльныхъ ученыхъ за послѣднее время. Первенствующее мѣсто между такими рефератами занимаетъ докладъ С. А. Бѣлокурова „О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI вѣкѣ“—спорный вопросъ русской исторіи за послѣднее время. Въ докладѣ онъ

С. А. Бѣлокуровъ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ сторонникамъ мнѣнія, празпающаго существованія подобной библіотеки. Въ своемъ новомъ трудѣ по этому вопросу, представленномъ на обсужденіе тщательному разбору дошедшія до насъ извѣстія о существованіи царской библіотеки (отзывъ Максима Грека, разказъ Ніенштедта о пасторѣ Веттерманѣ и извѣстіе проф. Дабелова, а также официальные извѣстія о царскихъ библіотекахъ XVI—XVII вѣковъ) и пришелъ къ тому заключенію, что у Іоанна Грознаго была библіотека, состоящая изъ русскихъ, польскихъ и литовскихъ сочиненій и одной нѣмецкой книги (Травника); было въ ней, быть, можетъ и нѣсколько греческихъ рукописей, но никакъ уже не до 600 греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ.

Взгляды докладчика встрѣтили критику со стороны проф. Соболевскаго, указавшаго на нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія о библио-

текѣ, извѣстія, тѣмъ болѣе цѣнныя, что лѣтописцы того времени вообще мало занимались книжными дѣлами. Переводы древне-классическихъ сочиненій въ древней Руси были, и слѣдовательно извѣстіе о нихъ не составляетъ чего либо невѣроятнаго. Переходя затѣмъ къ частностямъ проф. Соболевскій отстаивалъ достовѣрность извѣстій Максима Грека и доказывалъ, что докладчикъ черезъ-чуръ смѣло относить написаніе древнѣйшей рукописи о Максимѣ Грекѣ къ 30-мъ годамъ XVII столѣтія: мы не знаемъ, была ли эта рукопись написана въ первой, или во второй половинѣ этого вѣка.

С. А. Бѣлокуровъ не нашелъ, однако, возможнымъ принять поправки, вносимыхъ проф. Соболевскимъ. Мнѣніе его въ общихъ чертахъ раздѣлялъ и проф. Ю. Кулаковскій, находившій подозрительнымъ извѣстія о царской библіотекѣ уже потому, что въ нихъ упоминаются такія классическія сочиненія, которыя до насъ не дошли вовсе или дошли въ ничтожныхъ фрагментахъ.

Съ другой стороны взгляды проф. Соболевскаго нашли поддержку со стороны проф. Иконникова, а проф. Гаусманъ, съ своей стороны, отстаивалъ достовѣрность вообще извѣстій Ніенштедта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его разказа о царской библіотекѣ. Проф. Гаусманъ вносилъ лишь поправку въ чтеніе соответствующаго мѣста Ніенштедта, поправку, нѣсколько измѣняющую смыслъ мѣста и заставляющую искать библіотеку во всякомъ случаѣ, не вблизи царскаго дворца ¹⁾. Проф. Платоновъ обратилъ вниманіе на то, что, судя по именамъ, встречающимся въ спорномъ извѣстіи (Андрея Щелкалова, Висковатова и Фуникова), можно думать, что книги были показаны Веттерману въ государевой казнѣ.

Отмѣтимъ еще докладъ проф. Дьяконова „О монастырскихъ дѣтенышахъ въ Московскомъ государствѣ, въ XVI и XVII вѣкахъ“, являющійся продолженіемъ въ ряду интересныхъ работъ нашего изслѣдователя въ области исторіи зависимыхъ классовъ населенія московской Руси. Подъ дѣтенышами, оказывается, надо понимать не только сиротъ, пріютившихся въ монастыряхъ, но и лицъ различныхъ сословій, давшихъ на себя „крѣпости“ или вступившихъ въ услуженіе монастырю по вольному найму; дѣтеныши-наймиты обыкновенно отличаются въ источникахъ отъ старинныхъ дѣтенышей.

¹⁾ На основаніи лучшихъ текстовъ мѣсто это, по мнѣнію Гаусмана, читается такъ: *Es hat der Moscovitter eine stattliche liberei.... unter dui gewölben in einem steinerem gemache vermauret.*

Наша почтенная изсѣдовательница въ области обычнаго права г-жа А. Я. Ефименко приняла также участіе въ сѣздѣ, сдѣлавъ докладъ „Объ арханическихъ формахъ землевладѣнія у германцевъ и славянъ“. Въ своемъ докладѣ она подвергла разбору новый трудъ Aug. Meitzen'a „Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven“. Указавъ на положительныя стороны новаго труда, докладчица указала и на односторонность взгляда Meitzen'a о противоположности германской Gewannndorf („клиновья деревня“) славянскому „міру“, задругѣ или хутору. Въ русской сѣверной деревнѣ, состоявшей изъ небольшого количества дворовъ, владѣвшихъ землею въ родственномъ союзѣ и отчуждавшихъ ее съ соблюденіемъ числа первоначальныхъ паевъ, можно видѣть нѣчто очень сходное съ германской Gewannndorf. Вообще докладчица высказалась за разсмотрѣніе разныхъ формъ землевладѣнія въ ихъ исторической и органической связи въ противоположность ихъ подраздѣленію по національностямъ.

Не былъ обойденъ молчаніемъ и вопросъ о происхожденіи слова *Русь*. Докладчикъ (К. И. Якубовъ), поставивъ это слово въ связь съ финскимъ Ruotsi, указалъ на толкованіе этого послѣдняго проф. Крономъ въ смыслѣ финскаго имени Норманнъ. Докладчики оспаривали: Хайновскій, Успенскій, Иловайскій и Филевичъ. Послѣдній недоумѣвалъ, какъ согласиться съ такимъ толкованіемъ существованія Руси угорской (за-карпатской). Проф. Д. И. Иловайскій замѣтилъ, что по его мнѣнію данное мѣсто лѣтописи испорчено: смыслъ его долженъ быть таковъ: Русь призывала нормановъ.

Провинціальныя ученыя архивныя комиссіи, эти полезныя учрежденія, неутомимо работающія на пользу русской науки, обратили на себя вниманіе сѣзда въ гораздо меньшей степени, чѣмъ это было бы желательно. Сказать, впрочемъ, объ этомъ что нибудь положительное нельзя, такъ какъ два засѣданія сѣзда, посвященныя судьбѣ этихъ комиссій, были, къ сожалѣнію, почему то закрыты, и члены сѣзда, не имѣющіе отношенія къ ученымъ архивнымъ комиссіямъ, на эти засѣданія допущены не были. Все, что извѣстно, это слѣдующее краткое постановленіе Сѣзда: „Въ виду печальнаго положенія многихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на большую го-

сударственную пользу, приносимую комиссіями, и ходатайствовать, чтобъ имъ была оказываема помощь и субсидія при посредствѣ гг. губернаторовъ⁴.

Въ дѣятельности X археологическаго съѣзда ясно видно было большое усердіе къ дѣлу со стороны участниковъ Съѣзда, выразившееся въ значительномъ количествѣ докладовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти полное отсутствіе какой либо системы въ этой дѣятельности; масса вопросовъ была затронута, но и только: ни одна группа сродныхъ вопросовъ не была выдѣлена въ соответствующій, составляющій нѣчто цѣльное отдѣлъ. Бросается въ глаза также почти совершенное отсутствіе связи между работами самаго съѣзда и его предварительнаго комитета: изъ болѣе двухсотъ вопросовъ и запросовъ, поставленныхъ предварительнымъ комитетомъ, едва-едва тридцать были обсуждаемы на съѣздѣ; всѣ остальные доклады не имѣли никакого отношенія къ вопросамъ, заранѣе предложеннымъ.

Да и сами вопросы эти не представляютъ изъ себя чего нибудь цѣльнаго и систематичнаго, далеко не охватываютъ всѣхъ очередныхъ вопросовъ по тѣмъ или другимъ отраслямъ историческаго вѣдѣнія. Изъ всѣхъ отмѣченныхъ нами группъ докладовъ лишь первыя двѣ—доклады по мѣстнымъ древностямъ, да посвященные Константинопольскому археологическому институту — представляютъ изъ себя нѣчто цѣльное. Изъ прочихъ нѣкоторую полноту отличаетъ группа докладовъ по до-исторической археологіи; всѣ остальные носятъ характеръ чего то отрывочнаго и неполнаго.

Будемъ надѣяться, что работы слѣдующихъ археологическихъ съѣздовъ не будутъ страдать такою несистематичностью и разобщенностью съ работами ихъ предварительныхъ комитетовъ, какою они страдали до сихъ поръ. Что-же касается X археологическаго съѣзда въ Ригѣ, то выразимъ пожеланіе, чтобы его работы послужили на пользу исторической науки, а тѣ изъ его постановленій и ходатайствъ, которыя были вызваны дѣйствительно нуждами нашей науки и искреннимъ попеченіемъ о ея преуспѣваніи, были бы удовлетворены и исполнены въ самое короткое время.